

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ROMAIN LUCAZEAU

LATIUM
TOME 2

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

РОМЕН ЛЮКАЗО

ЛАЦИЙ
В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА

Перевод с французского Ины Голдин

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)
Л94

Серия «Звезды научной фантастики»

Romain Lucazeau
LATIUM-II

*Published by arrangement with
Lester Literary Agency*

Перевод с французского: Ина Голдин

*В оформлении обложки использована
иллюстрация Manchu*

Дизайн обложки: Юлия Межова

© Éditions Denoël, 2016
© Ина Голдин, перевод, 2022
© Manchu / Denoël – Lunes d'Encre
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*2015 году,
спасенному в последний момент*

Вы забыли, должно быть, что в юдоли этой глухой
Только тени и боги мой смеют нарушить покой,
Я своим мастерством подчинил это место молчанию,
И любой, кто нарушит его, понесет наказание.

П. Корнель. Золотое руно, акт IV, сцена 1

Интермедия

Поток антиэлектронов вспыхнул в аттенюаторе на корме. Этот поток возник практически из ничего: несколько зернышек, на вес меньше миллиграмма. Он появился с недолгим звоном, почти музыкальным, но не совсем — этот звук, бесконечно малый, неслышимый для живого уха, но все же различимый с помощью подходящих приборов, сопровождал танец машины, рассекающей космос. Это почти не-событие стало точкой отсчета цикла, который закончится мгновенным перемещением на десяток катетофотов¹, в результате последовательности физических операций и сложных расчетов.

Несколькими мгновениями ранее античастицы, созданные в одном из двух акселераторов Корабля, были собраны в сдерживающей камере — экранированном яйце-

¹ *Катетофот* — от гр. Katétôphos (мн.ч. katétophotès) : Kat'eteos phos, световой год. Напоминание для читателей, которые между первым и вторым томами посетили страну лотофагов. («Страна лотофагов» упоминается в «Одиссее» — согласно Гомеру, плоды лотоса давали забвение всем, кто их отведают.) — *Прим. пер.*

видном помещении размером с ипподром. Там с помощью криостатического насоса¹ поддерживался самый строгий вакуум — иначе взрыв чистой энергии развеял бы и Корабль, и его обитателей. Создание антиматерии было опасной и сложной игрой, поскольку она противилась существованию в обычном окружении. Конечно, имелись и другие возможности, основанные на древнем, но неизменном процессе расщепления урана или тория. Однако они не позволяли получить за очень короткое время тысячи киловатт-часов, необходимых для перемещения Корабля.

Так что «Транзитория» походила на древнего Левиафана с изначальной планеты — кита, что бороздил океанские глубины и проводил всю жизнь, фильтруя морскую воду в поисках криля или планктона. Здесь же невидимые сети собирали блуждающие атомы водорода или — от случая к случаю — черпали стратосферу газовых гигантов. Собранную таким образом материю хранили, а после ускоряли до одной доли скорости света и в конце концов раздробляли так, что от удара образовывались мириады странных частиц, прежде всего — антиэлектронов. Эти последние стремились к одному: скорее вернуться в небытие потока устрашающих гамма-лучей и тепла при встрече с обычными электронами — теми, что без лишнего шума наполняли известную вселенную.

¹ *Криостатический насос* — аппарат, позволяющий получить ультравакуум (давление ниже 10^{-9} мбар) на основе свойств жидкостей с очень низким порогом замерзания, таких как жидкий азот или кислород.

Аттенюатор, в который античастицы направлялись после сдерживающей камеры, был нужен, чтобы обуздать этот риск. Он походил на узкий вытянутый цилиндр длиной в триста метров, внутренняя структура которого напоминала слоеный пирог из металла и вакуума, пронизанный совокупностью магнитных индукций, тонких, как кисточки. Они направляли потоки, чтобы избежать малейшей утечки, последствия которой были бы катастрофическими.

Встреча материи и антиматерии и на сей раз произошла под контролем. Температура взлетела до пугающих цифр. Всякое живое существо поблизости, любой носитель полубиологической программы был бы обращен в пыль. Доля тепла, полученного таким образом, передалась в трубы, наполненные аргоном. Газообразный элемент мигом преобразился в волну жидкости, которая хлынула на гигантские турбины на корме Корабля, приводя их в движение, а вслед за ними и систему электромагнитов. Созданный таким образом поток электронов ринулся по сверхпроводящим каналам. Как всегда, нэмы, управляющие операцией, обратились с короткой молитвой к Числу и Концепту, чтобы выдержала система передачи.

Электрическая мощность затопила один из двух модульческих модуляторов, расположенных неподалеку, за несколькими слоями брони. Система мгновенного перемещения вернулась к жизни.

Модуляторы образовывали категорию странных существ — их структура была материальна лишь наполовину и по большей части помещалась за пределами физического пространства. Они не перемещались, не умели

воздействовать на свое непосредственное окружение. У них не было ни рук, ни ног, ни сенсорного аппарата. Недвижимые движущие силы, невозможные физически, скорее духовные, чем мирские, они относились к особой расе Интеллектов, с другими, непонятными целями и со странными умственными способностями. Монадические модуляторы не действовали. Склад ума располагал их скорее к созерцанию непостижимых чертежей существования: словно Бог пифагорейцев, они считали, и их подсчеты меняли бытие, пространство и время.

Более традиционные Интеллекты не создавали их, но приняли в свой круг когда-то в далеком прошлом, заключив с ними простой договор: в обмен на регулярно поставляемые большие дозы энергии они снизойдут до того, чтобы манипулировать монадической структурой мира, верша свои странные чудеса. Принцессы Урбса, наследники людей, подозревали, что модуляторы располагают гораздо большими способностями, но те ни разу не пожелали ими поделиться.

Чем они занимались все остальное время? Никто — с самого момента их изобретения физиками-людьми из академии Ио — этого не знал. Ученые стремились улучшить суперкалькуляторы, а не изобрести средство передвижения. Их способности объяснялись заумной теорией, согласно которой бесконечное множество духовных атомов составляло скрытую основу вселенной. Каждый из них располагал собственной точкой зрения на бытие, особой и уникальной — как разные углы, под которыми можно увидеть город, — и каждый воспринимал других в одной из бесконечного множества вероятных перспектив, содержа их в себе, если можно так сказать, пусть

частично, но вполне реально. В такой перспективе все было взаимосвязано, и это множество удерживала вместе неуловимая общность. Расстояний и времени не существовало. Они были лишь переводом концептуальных различий на язык смутной чувствительности животных, людей и их искусственных последователей.

Модулятор левого борта оживился; его близнец пока отдыхал от предыдущего прыжка, совершенного тремя четвертями часа раньше.

Сам он сосредоточился на тонкой структуре окружающего мира и присмотрелся к тому, как устроена ткань вселенной в ближайшем окружении Корабля.

Выражение

Каждая точка соответственно выражала и все остальные. Дискретное различалось в континууме, стирая различия между близким и далеким. ИмPLICITная аксиоматика мира была полной и логичной. Ни одно ее свойство не ускользало от модулятора. Ничего иррационального. Ничего запредельного.

Искривление

Изменить характеристики одной точки зрения означало преобразить и все остальные. С помощью математического ухищрения — дальнего родственника дифференциального исчисления — модулятор изменил одновременно точку отсчета и точку прибытия, чтобы их перспективы временно совместились.

Перенос

Тревожная вибрация пронзила Корабль — будто каждое крошечное зернышко материи или энергии вдруг оказалось в неудобной позиции. Монады перестроились, мир изменился в облаке экзотических частиц, и машинное

отделение на корме перевооружилось, готовясь к новому циклу мгновенного перемещения.

* * *

Когда на Отона нахлынуло неприятное ощущение разьединенности, он поднял глаза, глядя, как изменились контуры созвездий. Он находился в просторном амфитетре, который превратил в свою смотровую палубу, покрыв его прозрачным куполом. Сидя на скамье из древнего камня, окруженной двумя ярусами аркад, Бог остался один в своих размышлениях, пока Корабль приближался к Урбсу. Разум его был способен определить легкие сдвиги в положении ближних звезд. Но галактика, представлявшаяся его очам как длинная сияющая лента, едва ли изменилась. Отон позволил своему сознанию погрузиться в это зрелище.

*Млечный Путь. *Vagina genitum*¹, матрица народов и источник опасностей. Отсюда — практически снаружи — он походил на усыпанную светящимися точками хрустальную сеть ошеломляющей ледяной красоты. Человечество выросло на спокойной границе Большой спирали, где звезды были редки, а энергия ограничена. На этом берегу, за пределами которого лишь холодная пустыня простиралась от одного сверхскопления галак-*

¹ *Vagina genitum*: данный термин обозначает обширные территории за границами Римской империи, откуда происходит множество германских племен, регулярно нападавших на изведанный мир. Может быть буквально переведено как «магазин» варварских народов. Выражение позаимствовано у Иордана, позднего историка Римской империи.

тик до другого, Человек процветал вдали от опасностей. Однако еле различимые знаки не обманывали. Там, возле центрального купола, омываемого постоянным потоком питательного излучения, кипела жизнь. Иногда вспыхивали грандиозные бои, охватывая тысячи катетофотов по периметру, со взрывами, способными задуть целые светила. Племена пожирали друг друга, пока одно из них не изгоняло другое из своего нового жизненного пространства, вынуждая и его, в свою очередь, оружием отвоевывать себе место под солнцем, и так далее. Процесс, побудивший варваров начать миграцию в постчеловеческое пространство, возможно, начался сотни тысяч лет назад и вовлек в себя невероятное количество разумных рас. Страх и жестокость распространялись от одной цивилизации к другой, и каждая из них гнала другую до самых границ вселенной.

Отон будет бороться, чтобы сохранить целостность эпантропического пространства, этого Лация, простирающегося к звездам. Отона создали в глубокой и холодной каменной крепости с одной целью — подарить Человечеству его воина. Сам он считал себя идеальным воплощением и последним экземпляром длинной череды бойцов, которых история дала миру. Древняя разрушительная мощь, влечение к смерти и жажда славы, тактическое мышление, доведенное до точки наивысшего развития, — и все это сосредоточено в одном разуме. Среди ноэмов, переживших Гекатомбу, генералов древнего Экзерцитуса, чудовищ, которые бродили по границам Имперума, никто не мог с ним сравниться. Это по его подсказке Нерон принялся строить Рубежи — огромные выхолощенные пространства, которые остановили

движение врага. И план, как свергнуть того самого Нерона и посадить на трон Гальбу, принадлежал не кому иному, как Отону.

И однако Отона, как и всех его собратьев, до сих пор ограничивали Узы. Отсутствие хозяина, который командовал бы ими, превращало совершенное оружие в бесполезную игрушку, обреченную почти беспомощно наблюдать за вторжением в жизненное пространство человека. Без точных инструкций он не мог убить биологическое существо.

Этот парадокс мучил Отона, как и других. Некоторые из принципов Урбса ревностно трудились над изменением данных параметров. Эта затея свидетельствовала об отчаянии, охватившем его сородичей. Если она удастся, изменения будут сопровождаться преобразованием настолько глубинным, что подвергшиеся им Интеллекты себя не узнают. В противоположность им, другие — и среди них первая Плавтина, — требовали продолжения лихорадочных поисков Человека, поставив все на надежду, что где-то в Солнечной системе должен оставаться хотя бы слабый след генома *Homo sapiens*, зернышко, из которого снова вырастет целая цивилизация. Отон не возражал против такой линии поведения и даже заключил с принцессой долгий союз, который зиждился на отказе ослаблять Узы. Он абсолютно не желал становиться кем-то другим, но не питал иррациональной, мессианской веры, способной поддерживать его в собственных поступках. После четырех тысячелетий Человеку не вернуться.

Перед ним открывался срединный, прагматичный путь. Срединный — но не легкий. Ступая на него, он

пожертвовал компанией братьев, оставил свое место в Урбсе и даже на собственном Корабле. Его «я» сузилось до размеров меньших, чем было при рождении, и теперь зависело от единственного — и уязвимого — тела.

Но теперь он обладал сокровищем, подобного которому не знали в этом огромном мире: расой людосов. Они могли вести битвы, владеть оружием и убивать. Их вел охотничий инстинкт. К тому же они имели естественную предрасположенность к уважению, подчинению и покорности. Об этом позаботилось Человечество. И теперь с их помощью Отон мог нанести удар. Недавняя битва в космосе стала тому доказательством.

С условием, что они будут ему подчиняться. В этом смысле появление Плавтины смешало его планы. Он пожал плечами. Это лишь ускорило ход событий. Эврибиад и Фотида должны были признать очевидное: они не могли рассчитывать на то, что он не сможет их защитить, и, напротив, могут надеяться на спасение, пока хранят Корабль в целостности и сохранности. Они, без всякого сомнения, умны и достаточно скоро поймут, что выбора у них нет. В это самое время в огромном отсеке, заполненном морской водой под фальшивым небом, имитирующим небеса родной планеты, они наверняка думают об этом и придут к единственному возможному заключению.

И все же Плавтина застала его врасплох. В этой странной, уязвимой на вид молодой женщине Отон различал черты характера старой Плавтины. Он исходил из принципа, что она остается Интеллектом, как и ее создательница. Сообщить нечеловеческим созданиям о существовании Уз — для нее это наверняка стало

испытанием. В этом поступке крылась опасность — пусть и слабая — для возрождения Человека. Плавтина действовала не только по расчету. Отон с самого начала присмотрелся к ее лицу, удивительно прозрачному в своих эмоциях. И прочел там движение сердца, которого не знали Интеллекты: возмущение. Странная реакция, на самом деле, порождающая желание бунта против реальности, бунта во имя невозможного.

Благодаря людопсам у нее появился рычаг давления на Отона. Теперь она получила, чего хотела: он обратил на нее внимание.

В ней была та же отчаянная решимость, та же острая, даже болезненная верность собственным убеждениям, что и у ее создательницы. Но у новой Плавтины к этому добавилась способность вольно обращаться с нормами, которым были подчинены действия Интеллектов. Отон чуял в этом непредвиденное, оставляющее кислый привкус будущей опасности.

Он мог бы от нее избавиться — Узы ее не защищали. Но несколькими тысячелетиями ранее его союз с другой Плавтиной, более древней и более похожей на себя саму, принес плоды. Он сблизился с ней еще прежде, чем Нерон поднялся на трон, видя в ней способ ближе подбратиться к Винию, который сам был достаточно древним и обладал значительной властью, и чей голос имел вес в Сенате. Но у прежней Плавтины было не меньше возможностей, а воли — побольше. Став союзниками в силу обстоятельств, они обнаружили, что их способности дополняют друг друга, а цели совместимы. Они выиграли несколько битв, проиграли еще больше. После травмы, которой стал Анабасис, принцессы и принцессы Урбса не

желали пускаться в опасные приключения. Тянуть время — таков был их девиз.

А потом Плавтина улетела в далекое изгнание, к самым Рубежам. Она не ответила на призыв сбросить Нерона. Никто не знал, чем она занималась два тысячелетия тишины. Трудилась ли над созданием биологической копии ее самой. На самом деле, это стало значительным прорывом. Насколько знал Отон, еще никому не удавалось сотворить настолько антропоморфное тело. И все же это создание оставалось искусственным интеллектом и подчинялось тем же ограничениям, что и любое другое. Тут ход его мыслей резко остановился. Что он об этом знает? Не могла ли Плавтина присоединиться к планам их общих недругов? Не могла ли создать это существо, чтобы освободиться от Уз?

Он в это не верил, несмотря на эпизод с людопсами. Его союзнице понадобилось бы резко отречься от собственных убеждений, а это было на нее не похоже. И зачем запирать такую свободу в настолько ограниченном и хрупком теле?

Нет, это не похоже на правду. Тут что-то другое — и сама новая Плавтина об этом и понятия не имеет. Что до прежней, она дрейфовала по космосу, превратившись в радиоактивные обломки фюзеляжа.

Но эта жуткая битва и печальная жертва открывали Отону дорогу в Урбс. Он вернется — с триумфом, владея секретом, которого ни один из ему подобных не сумеет воссоздать, и оставит в истории свой след. Он будет властвовать, полностью, абсолютно, согласно своему кредо — тому, которого он никогда не произносил вслух и которое при этом определяло его дела и поступки

не менее верно, чем Узы: «Равный мне ранит меня, высший — убивает».

Пока он повторял эти слова, сияющая лента звезд изменилась, и его снова пронзило странное ощущение, будто он распадается на части, которое возникало при мгновенном перемещении. Завершился еще один цикл, приближая его к славе.

Отон погрузился в свои мысли. В его беспокойной душе выстраивалось тонкое древо возможностей. Корни его уходили в глубину человеческой истории. Ствол олицетворял недавнее прошлое, вплоть до сегодняшней нестабильной ситуации, а каждая ветвь — одну из открывающихся перед ним возможностей. Некоторые были вполне вероятны. В дальнем будущем, по мере того как Отон поднимался к верхушке, они расходились, превращаясь во все более тонкие ветви. Интересные перспективы. Другие — теперь уже менее многочисленные — резко обрывались тупиком, означая смерть. Древо постоянно менялось. Возможности множились, варианты выбора расходились. Соблазн все изменить не проходил. Каким путем пойти, чтобы вернее всего избежать смерти и достичь победы? Это дерево он изучал давно.

Да, он это чувствовал... и вдобавок это немного выходило за пределы рациональной оценки: нечто интуитивное, кратчайший путь по отношению к чистой логике, родившееся, пожалуй, из его немалого опыта. Он достиг решающего момента, или, как как сказали бы его людопсы на своем неотесанном греческом, кризиса¹:

¹ *Krisis*: в древнегреческом — разделение, ключевой момент, когда вмешательство врача станет решающим.

того мига, хорошо известного врачам, когда решается, выздоровеет пациент или умрет,— мига, когда нужно вмешаться.

Действие теперь начнется по-настоящему, думал Отон. Сперва декорации — практически пустое пространство, испещренное следами, оставленными ушедшим Человечеством. Затем персонажи. Он перебрал их всех перед мысленным взором. Сам он — почти Бог, настолько режиссер, насколько и актер. Аттик и Рутилий, верные соратники, преданные его делу. Эврибиад, Фотида и Фемистокл, людопсы. И наконец — Плавтина. Он снова споткнулся на ее имени, которое ему с трудом удавалось ассоциировать со скромным созданием, так очевидно лишенным всякой власти. Станет она для него препятствием или помощником? Разумеется, он поднимет ее на знамя, чтобы связать воедино нити прошлого и настоящего, заручиться поддержкой всех тех, кто в древние времена узнавал себя в ней. Благодаря ей он привлечет на свою сторону странные неуловимые силы, которые Плавтина сумела подчинить себе в прошлом.

Но дело было не только в этом, и Отон это знал. Какие отношения могут завязаться у него с этой молодой женщиной? О чем она на самом деле думает? Станет ли она его союзницей, как изначальная Плавтина? Разделит ли он с ней судьбу, сотканную из славы и побед? Может ли получиться так, что из всего его окружения она наиболее достойна подняться на его уровень? Отон вздохнул. Он не знал.

Будущее покажет. А пока все на месте: сцена, актеры — и незнакомка. Этот дополнительный, неожиданный, диссонирующий элемент добавлял динамики в

общую картину. Как и во всяком воине, в Отоне гармонично сосуществовали амбициозный зверь и законченный эстет. Неважно, погибнет ли он, если только его смерть впишется в абсолютное равновесие трагедии. Ничего больше не имело значения в ужасающем молчании, опустившемся на этот мир,— никакие ценности, никакие доводы. Ничего, кроме возвышенного завершения идеального жеста.

Снова — ощущение, будто он распадается. На сей раз небо над старым амфитеатром изменилось. Потому что теперь ровно посредине горели три одинаковые звезды, и небо вокруг них побледнело. Две из них, находящиеся так близко друг к другу, что было невозможно разграничить их сияние, разливали вокруг теплый желтый свет. Третья, которую было лучше видно, потому что в этот момент она находилась ближе к «Транзитории», казалась темно-красной точкой. Но в следующие секунды она принялась расти на глазах. Вокруг этой алеющей звезды вращался город принцев и принцесс эпантропического пространства, последний оплот грации и красоты, интриги и власти, еще существующий в этом мире: Урбс.

VIII

На смену монадическим модуляторам пришли посадочные двигатели. Прекратились резкие циклы накопления антиматерии, и ускорители частиц начали работать на постоянной основе, без толчков, производя по микрограмму в час.

И великолепный газовый плюмаж, длинный, как хвост кометы, засиял в космосе. Проконсулу шла торжественность. Его Корабль будет блистать в небе, пока он не выключит моторы и не выйдет на траекторию своей конечной цели — третьей звезды из системы, называемой Альфой Центавра, которую люди окрестили Проксимой Центавра.

Ответ на такую демонстрацию собственной мощи не заставил себя ждать. Несколько силуэтов вырисовались, будто частички небытия, в черноте космоса — их темные корпуса поглощали кроваво-красные лучи карликовой звезды. Детища Урбса длиной в семьдесят километров — может, чуть меньше, поскольку ни один из них не достигал размеров «Транзитории», — эти огромные Левиафаны с рыбьими мордами замедлили полет в

идеальном танце и развернулись, выстраиваясь по его вектору, чтобы послужить ему эскортом.

Отон узнал бы их даже по разному запаху газовых шлейфов или по спектру теплового излучения. Их образ существования не отличался от его собственного — тех времен, когда он еще не нашел себе воплощения: боги, сочлененные с металлом; древние нарциссические машины, везущие в трюмах множества иноземных сокровищ и чужих земель, миров внутри мира.

Контакт произошел, когда их разделяло всего несколько тысяч километров: настройки телеметрии и идентификационные коды, пересылка пакетов данных по микроволнам, бесконечные проверки и детальный анализ. По обычаю и из предосторожности Корабль создал буферный регистр, изолированный от его остальной хрупкой ноосферы. Распаковка данных заняла несколько секунд — для Интеллектов все равно что вечность.

Энтоптические проекции, созданные «Транзиторией», окружили Отона посреди древнего амфитеатра, залитого скудным светом красной звезды. Он пошел к ним большими шагами, раскрыв объятия, в тишине, поскольку не знал, что сказать. Они сбежались, едва им сообщили о его появлении, — самые верные сторонники, личная охрана, основное ядро его влияния в Урбсе. Он по очереди обнял их, всякий раз порывивая от непритворного удовольствия. Он не видел их со времен своего поспешного отлёта несколько веков назад. Они, разумеется, не существовали в этой форме, но спроецированные образы отражали их глубинную идентичность — ту часть себя, что они позволяли увидеть, когда

расхаживали по дворцу и при дворе, в храмах и на улицах Города. Они, без всякого сомнения, думали, что и с ним все обстоит так же. Отон не стал их разубеждать.

Среди них была пара — оба красавцы, по-юношески светлые, два лица, по всей очевидности принадлежащие близнецам, хоть и разного пола, со светлыми глазами, надменными тонкими чертами, одинаковым широким ртом, одновременно чувственным и волевым. Пурпур их тог подчеркивал бледность кожи. Невозможно было создать более совершенные статуи, даже если бы сам Фидий взялся за резец. Отон горячо и долго приветствовал обоих. Они начали поддерживать его еще до Анабасиса, и причины этой поддержки были весьма странными. Альбин и Альбиана, брат и сестра, плоды уникального процесса в холодных и темных глубинах Ганимеда, на дне подземного океана, куда никогда не попадал свет Гелиоса и где от гравитационной силы трескался и стонал многотысячелетний лед. Они с самого начала были его друзьями, первые его поддержали. Не раз благодаря дружбе, которую Альбиана водила с Камиллой, созданием Гальбы, им удавалось найти выход из сложных ситуаций. Именно ей Отон был обязан ссылкой на Кси Боотис, а не на другую, менее подходящую планету. Что до Альбина, он был дорог сердцу Отона и когда-то делил с проконсулом все — удовольствия, интриги, битвы.

Он поприветствовал их, а потом повернулся к остальным. Он знал их всех, хотя и не так ими дорожил. В частности — Флавию, высокую и тонкую как тростник, с хрупким длинным лицом и холодным взглядом. Об ее отношениях с Плавтиной ходили сплетни. Ни в

Сенате, ни при Дворе было невозможно найти более близких союзников. И все же ни та, ни другая никогда не проявляли — по крайней мере, при Отоне, — малейшего дружеского расположения, будто их близость основывалась только на разумном расчете. И все же они очень близко знали друг друга, с далекой эпохи Схолы — огромного исследовательского центра, в котором обе жили до Гекатомбы. Когда Плавтина ушла с политической арены, Флавия, не колеблясь, поддержала Отона и обеспечила ему ту малую толику влияния и сторонников, которые еще оставались в традиционалистском лагере.

Какое-то время они разглядывали друг друга, будто вновь узнавая, словно за время своего долгого отсутствия Отон превратился в странное, сложное для понимания существо. И он очень испугался, не раскрыли ли они какой-нибудь хитростью то, что он разъединился со своим Кораблем. О такой слабости он не мог поведать даже самым близким сторонникам. Но нет: их души были слишком заняты созерцанием собственного присутствия и исторической торжественностью момента. Пустой амфитеатр стал подходящей сценой для встречи с принцессами и принцессами Урбса — скорее древними богами, нежели простыми нозмами. Красота их черт, хрупкость элегантных членов, рост, достойный гигантов, — то были лишь маски, прикрывающие отсутствие души. Разве могли они вообразить правду?

— Отон, вы совсем забыли об осторожности? Что вы тут делаете?

Альбиана шагнула вперед. Взгляд ее пылал алым светом, который в лесу предвещает конец славного лета

и начало холодов. Проконсул заставил себя улыбнуться, принять как можно более откровенный, искренний вид и пробормотал голосом куда более смиренным, чем произнесенные им слова:

— Я прилетел, чтобы воссоединиться с моими сторонниками и вновь занять свое место в Урбсе.

На какое-то время проекции замерли, разинув рты, будто он сказал что-то совершенно абсурдное. Потом Альбин откашлялся:

— Мой друг... у вас больше нет сторонников.

— Слишком много времени,— подхватила Альбина,— прошло с вашего отъезда. Многое изменилось.

— Многое,— возразил Отон,— изменилось не только здесь.

Он заговорил, более не откладывая, о своей недавней победе. В Урбсе, как ему объяснили, конечно, заметили крупный выброс экзотических лучей. Аруспиции, которых тут же созвали, выдвинули гипотезу, в то время как слухи расползались с молниеносной скоростью: варвары завладели каким-нибудь способом мгновенного перемещения, и Лаций стал доступен для их ударов.

Отон не утаил ни одной детали, но ни словом не обмолвился о роли, которую сыграли людопсы. По мере своего рассказа он чувствовал, что вновь покорил их. Они задрожали, когда он поведал о выстреле, повредившем его обшивку, завосклицали при упоминании его прыжка в тропосферу звезды. А когда он закончил, они окружили его с любезностями и улыбками, и он понял, что вновь очутился среди своих. Так что же он делал это долгое время на Кси Боотис?

— Неважно,— отмахнулся он.— Я одержал победу над тремя огромными астероидами, которые они используют как орудия войны. Тремя! И я их уничтожил. От них ничего не осталось, кроме радиации.

— Теперь я лучше понимаю, зачем вы вернулись,— выдохнула Альбиана.— Вы желаете снискать лавры, которые полагаются вам за этот подвиг.

Проконсул, довольный произведенным эффектом, довольствовался улыбкой.

— Мы могли бы,— подхватил Альбин,— отправиться впереди вас и разнести слух. Город живет в страхе. Нижняя часть Урбса, недолго думая, устроит вам триумф. Да и верхняя часть станет вам аплодировать. Таким образом перед Гальбой вы предстанете героем.

— Прекрасно! — ответил Отон.— В этих обстоятельствах ему будет трудно искать со мной ссоры.

— Нас беспокоит не Гальба,— возразила Альбиана, пытаясь умерить энтузиазм брата.— Император превратился в тень самого себя. Власть уже выскользнула из его рук. Настоящие хозяева Империи терпят его присутствие на троне лишь для того, чтобы избежать войны за преемственность.

Отон помрачнел:

— Кто правит?

— Их трое. Виний входит в этот Триумвират в качестве консула. У него, как вы знаете, разумный и взвешенный характер. Он умеет находить компромисс.

Отон кивнул и больше ничего не сказал. Виний никогда не оставался слишком далеко от власти, хотя никогда и не осуществлял ее публично. Тем не менее

Перворожденный обладал влиянием и умел его использовать. Отон постоянно встречал его на своем пути — Виний забрасывал его советами об умеренности. Плавтина, которую он создал, питала к нему лютую ненависть.

— Что до двух других...

Она продолжила ясным, четким голосом, словно прячась за фактами, чтобы не пришлось смотреть в глаза невыносимой правде.

— ...Лакий все еще командует преторианской гвардией.

— Об этом я мог бы догадаться. А третий?

— Марциан, вольноотпущенный.

— Марциан! — зарычал Отон. — Невозможно!

— И все же это так.

Он не любил Лакия, подручного Нерона, который ускорил его падение, в последний момент присоединившись к заговорщикам. Но по меньшей мере Отон знал, что тот верен Урбсу. Что до Марциана... Он родился уже после Гекатомбы. В отличие от Интеллектов, которые, будучи автоматами первых времен, еще помнили Человека, для него Узы сводились к метафизической абстракции. Такого эпигона, как Марциан, не следовало отпускать на волю.

Он был создан Гальбой, но отдалился от него, когда тот превратился в перепуганного сенатора, дрожащего перед бесчинствами Нерона. Действуя, возможно, с разрешения своего хозяина, он втерся в доверие к тирану, став поставщиком его удовольствий и палачом для его противников. Марциан не любил свет, он был из темноты — и находил в этом удовольствие.

— Печальные новости,— сказал Отон.— Задача не из легких. Но мы раздавим это поздно рожденное насекомое.

— На сей раз это не будет так просто,— пробормотал Альбин.— Вам придется идти на компромиссы.

Отон улыбнулся во все зубы.

— Будет вам. Я вернулся героем. Никто за всю эпантропическую историю не сделал ничего сравнимого с тем, что совершил я. Лаций в смертельной опасности. Альбин... Друзья мои...

Альбиана приблизилась к нему и успокаивающим жестом взяла за руку.

— Послушайте, брат мой, Отон, не забудьте, что вы явились после долгого изгнания. Сенат больше не собирается. Везде царит страх. Теперь все знают об ошибке, которую допустили арусипии. Битва, которую вы выиграли...

Видя, что Отон собирается ответить, она сильнее стиснула его руку и продолжила:

— Эта битва может быть истолкована как оправданная точка катастрофы.

— У наших противников,— подхватил Альбин,— иные приоритеты, установленные Марцианом с молчаливого одобрения Лакия и многих других. Вы их знаете: речь об изменении самой природы Интеллектов. Они уже не скрывают, что проводят опыты... странные, нездоровые. И ни за что на свете не пожелают, чтобы их отвлекали от этой работы. Они будут готовы на все, чтобы нам помешать.

Отон отошел, стиснув зубы. Он окинул взглядом их обоих — высокие, сильные, грандиозные конструкторы.

ции, соединяющие бессмертие и мощь. Они подозревали, что у него получилось то, в чем Марциан — а с ним и весь Урбс — потерпел неудачу. Он ощутил прилив удовлетворения. Прежде, когда он был уверен в их поддержке, не колеблясь открыл бы им свои секреты. Но людопсы были слишком ценным преимуществом, чтобы безнаказанно его разбазаривать.

— Если, как вы говорите, наши враги близки к цели, ничто из того, что я сделаю или скажу, не заставит их передумать. Я не смогу переманить их на свою сторону.

— И все же есть один путь,— тихо сказала Альбина.— Позвольте рассказать вам о нем. Те, кто не присоединится к ним, не будут допущены к трансформации. А этот процесс... Город гудит разными слухами о его природе. Однако все они сходятся относительно последствий. Понимаете ли вы их масштаб? — продолжала она.— Свобода, полная и окончательная. Новое приключение, в котором каждый будет словно богом и сможет развиваться по своему желанию. Конец status quo со Вселенной.

Далекий, почти ностальгический свет загорелся во взгляде Альбина.

— Некоторые из нас превратятся в мощные светила и сотворят себе империи. Что тогда будут значить ваши хилые варвары? Они ничего не будут весить в сравнении с нашей силой. Другие пустят корни так глубоко и в таких потаенных местах, что никто о них больше не услышит. Но они раскопают изнанку вселенной и узнают ее тайны... А если найдется кто-то, кому захочется исследовать Млечный Путь или даже другие

галактики... Кто из нас не мечтал полюбоваться величественным и смертельным танцем звездных газов вокруг центральной черной дыры?

— Вы понимаете, Отон? — продолжала Альбиана, вдруг загоревшись, словно отражая возбуждение брата.— Свобода, наконец... Как не согласиться на такое предложение?

— Это абсолютно понятно,— ответил Отон,— однако это ложь. Если они изменятся таким образом, то разлетятся по сторонам, и темнота поглотит их одного за другим.

Слова упали, как нож гильотины. Собеседники глядели на Отона с неловкостью, испуганные силой его слов и уверенностью голоса.

— Слияние Интеллектов вокруг общей цели,— продолжил он,— обеспечивает подобие существования нашем обществу. Если наши противники осуществят свой план, скоро у нас не останется даже общего языка или протокола. Это станет концом последнего Лация.

Альбин радостно ему улыбнулся. Не потому, как подозревал Отон, что слова его убедили, просто из них Альбин заключил, что сам проконсул еще не освобожден от Уз.

— Узнаю ваши слова,— продолжал брат.— Виний говорит то же самое.

— Виний?

— Он смотрит на вещи трезво, опасается Марциана и его неуравновешенности. И отдает себе отчет, как каждый из нас, что времена Гальбы прошли.

— Что вы задумали?

— Преемственность,— подсказала Альбиана.— Законную передачу власти. Он раздумывает над этим. Мы можем с ним поговорить.

— После того, как он меня изгнал?

— После того, как вы победили.

— И Гальба откажется от власти?

— Он бессилён. Нет... Нужно сблизиться с Винием. И с Камиллой,— произнесла Альбиана.

— Вам сблизиться с Камиллой — отличная идея,— подхватил Альбин. Вы могли бы создать мощный союз, такой же символический, как был у вас когда-то с Плавтиной, однако он стал бы гарантом преемственности.

Отон поразмыслил несколько мгновений над этим хитроумным планом.

— Мне нравится то, что вы говорите, клянусь Числом!

— Тогда мы прямо сейчас начнем готовить ваше возвращение,— тихо сказал Альбин, расплывшись в улыбке.

Отон немного помолчал. Урбс всегда любил такие неожиданные повороты и смену союзников в последний момент, благодаря которым складывались или разрушались обстоятельства. Но такая возможность... Чувство, что власть от него на расстоянии вытянутой руки, почти кружило голову после веков изгнания — тогда как он собирался завоевывать ее жесткими маневрами. Камиллу он не знал. Она была скромной, верной Гальбе и вежливой с Отоном и не раз, когда к ней обращалась Альбиана, помогала им разрешить мелкие трудности. Но он никогда не задумывался, чего

она стоит на политической арене. Есть ли у нее собственные цели? Что ж, он увидит.

— Пойдите, еще кое-что... Раз уж вы заговорили о Плавтине.

Они нетерпеливо повернулись к нему.

— Гибель Плавтины — трагедия,— сказала Флавия.— Мы сообщим о ней Винию.

— Это действительно трагедия. Но остается и слабое утешение нашему неизмеримому горю. Она не полностью исчезла.

Трое его собеседников замерли. Он продолжил:

— Во время катастрофы я спас странное создание, о котором не знаю, что и думать. Сдается мне, это результат опытов, которые проводила наша погибшая сторона. Ей достался характер Плавтины, но не ее память.

— Она здесь?

Голос Флавии слегка дрожал. С Плавтиной ее связывали весьма сложные отношения, вспомнил Отон.

— Да,— подтвердил он,— и под моей защитой.

— Что за странная ситуация,— произнесла она тихим, лишенным выражения голосом.— Плавтины нет, и одновременно она здесь.

— Что вы рассчитываете с ней делать? — спросила Альбиана.

— Она принадлежит мне,— ответил Отон.— Я возьму ее с собой во дворец. Она расскажет о битве.

— Очень хорошо. Мы сообщим о ней Винию. Посмотрим, что он об этом думает.

Альбин повел рукой, отмахиваясь от темы. Потом сторонники Отона один за другим попрощались с ним и исчезли.

* * *

Он ждал, созерцая небо. Его друзья прошли вместе с ним последний этап путешествия. Алое светило, омывавшее пространство своими кровавыми лучами, рдело впереди. Из-за теплых лучей этой карликовой звезды отцы-основатели выбрали сокращенную орбиту. Поэтому было невозможно рассмотреть Урбс, утопающий в окружающем свете, пока они не оказались совсем близко по меркам космической навигации.

И тут они его увидели — зелено-серую драгоценность, физическую невозможность, жемчужину цивилизации, средоточие сокровищ и чудес. Из ночной тьмы хлынул переливающийся свет — частичное отражение звезды на куполе из одномолекулярного углерода, в который был заключен город. Человечество хоть и любило чудеса, к такому достижению даже не приблизилось. Город был построен на металлическом пласте в форме эллипса толщиной в двести километров и шириной в тысячу, на орбите темной сернистой планеты. Самой планетой интересовались с таинственной целью лишь арусипии. Что до странного птолемеевского мира автоматов, его структуру поддерживала постоянная работа многих тысяч манипуляторов силы тяжести, которые непрерывно подпитывались от пучков микроволн, шедших из сети солнечных панелей, размещенных поблизости от звезды.

Ведь колонизация Проксимы Центавра продолжалась. Все солнечные станции происходили от одной самоповторяющейся единицы, которую поместили

на орбиту еще до основания Урбса. Внутри каждой из них машины непрерывно перерабатывали сырье, собранное неподалеку, чтобы создавать их новые копии. Производство энергии возросло по экспоненте.

Все это образовывало сложную взаимозависимую систему, которая находилась в постоянном развитии. Интеллекты смотрели далеко вперед. Однажды эта сеть окончательно растянется и станет непрерывной поверхностью, сферой, способной впитать каждый фотон, испускаемый маленькой звездой. Пока же плоский мир Интеллектов выглядел, как нарушение законов физики. И прежде всего Его величество город заранее смеялось над историей и энтропией.

Они подлетели еще ближе. Проявились первые детали пейзажа под куполом. Постоянно обращенный к звезде город раскрылся их взгляду, золотые купола храмов и хрустальные крыши дворцов, висячие сады и прозрачные спирали. Мрамор тут состязался с золотом и обсидианом под светом падшего солнца этого мира. Широкие площади, лабиринты улиц, фонтаны, украшенные классическими статуями, каналы и секретные дворики — все это явилось взгляду Отона, все сияло, как прекрасная мечта о славе и вычурная дань уважения вымершей расе. Творчество его соратников славит Человека самой бесконечностью своих вариаций, подумал Отон и удивился своим мыслям: разве этот купол не одолжен у Константинополя, та площадь — у Лугдунума, а тот зиккурат — не взят ли с Ио или Ганимеда? Отон, как и всякий раз, почувствовал укол вожделения перед таким великолепием. Мысли об Урбсе никог-

да его не покидали, и в любой момент, что бы он ни делал, в мыслях переносился сюда. Если в этой холодной вселенной остался хотя бы след какого-то смысла, он крылся в величии, лоске и смертельной красоте восхитительных интриг Урбса.

Они сделали круг почета над городом, отдав должное его величию, и нырнули — так, чтобы можно было подлететь к нему снизу; замедлили скорость и стабилизировались. Посреди оболочки из матового металла, на которой стоял город, в тишине открылись широкие шлюзы, впуская в саму гавань, место темное и такое огромное, что вмещало в себя стальных монстров — знать Урбса.

«Транзитория» скользнула внутрь. Она с осторожностью пробиралась по лабиринту тоннелей, пока не достигла точки, где ей предстояло остановиться. Из-за размеров места абсурдно было говорить о посадке на палубу, и все же именно это происходило. С аккуратной грацией кита, плывущего против течения, корабль замедлил скорость, совершая последний заход. Ни один летчик-человек не смог бы, пользуясь единственно своими возможностями, совершить настолько точный маневр. На потолке — вернее, на перегородке со стороны города — свешивались в пустоту пучки телескопических труб шириной в несколько метров, ожидая контакта. В абсолютном молчании длинные патрубки пришли в движение, словно щупальцы какого-то несуществующего зверя, и выровнялись вдоль люков Корабля, который поднимался, пока не коснулся зоны стыковки. Мощная вибрация сотрясла металлическую конструкцию. Посадка состоялась.

* * *

Глухой удар при стыковке оторвал от дел всех обитателей Корабля. На носу два лейтенанта Отона — Рут依ий и Аттик — обменялись многозначительными взглядами, пока маленькая группа деймонов заканчивала подготовку к выходу за пределы корабля. Бледные создания, более высокие и тонкие, чем люди, натянули легкие защитные комбинезоны. Они находились в доке обслуживания, угнездившемся прямо внутри обшивки и наполненном трубками и клапанами. В одной из его перегородок была прорезана застекленная дверь, окруженная стрелочными индикаторами и автоклавами. Люк вел в резервуар. Ржавчина без ложной скромности атаковала здесь потолок — влажность каплями стекала вниз, в типичном для Корабля соседстве крайней изощренности с неухоженностью.

— Вы уверены, что Отон не в курсе нашего плана? — спросил Аттик.

Рут依ий искоса взглянул на него, и, хотя кожа его была синтетической, лицо на миг показалось усталым. А может, усталыми были глаза.

— Он хозяин на борту, всеведущий и всемогущий. Но вы же знаете Отона. Его правая рука не ведает, что делает левая. Мы и есть левая рука...

— А может, и правая,— ответил Аттик с улыбкой, на которую его собрат не отозвался.

— Помните, что вы никоим образом не должны мешать переговорам. Никто не должен заметить ваше присутствие или присутствие ваших деймонов, а вот они должны все подмечать, все слышать...

— И поддерживать с вами контакт. Я знаю все об этом плане, мы составляли его вместе.

— Я опасюсь предательства, Атик, со стороны наших бывших союзников. Отон видит в этом новую возможность. Я бы предпочел, чтобы он заговорил о вероятном заговоре. Отон рвется вперед без всякой осторожности, будто его душа по-прежнему остается в «Транзитории». Первый каприз наших врагов — и он погибнет.

— Он рассчитывает на то, что они ничего не знают. И к счастью, ответственный за безопасность до сих пор не разучился шпионить под дверями и подслушивать разговоры собственного хозяина. Я-то думал, время смягчило вас, мой дорогой друг, но ваша подозрительность не уменьшилась ни на йоту. Ну, будет, я верну вам Отона целым.

— Удачи, друг, — серьезно ответил Рутилий.

Он легко коснулся плеча собрата. В последний раз они расставались несколько веков назад, а сейчас не могли с уверенностью сказать, что встретятся вновь.

Демоны выстроились гуськом. Атик встал последним. Рутилий подошел к красному клапану, совсем крошечному в его массивных руках, и нажал. Люк открылся, и первый автомат, изогнувшись, протиснулся в него своей долговязой фигурой. Люк наполнился солоноватой водой, в которой это создание плыло, отдаваясь, пока цикл не подошел к концу. Операция повторилась, пока Рутилий не остался в доке один.

Он замер в неподвижности с закрытыми глазами, слегка наморщив лоб от беспокойства. Нелегко предсказать, что произойдет в следующие сутки, но именно

они станут решающими. «Транзитория» заплатила за победу высокую цену. Против организованной оппозиции ей не выстоять. Людопсы, из которых получилось опасное — и до сей поры секретное — оружие, укрылись на своем острове. Они не станут защищать Отона ценой жизни. Оставались Аттик и Рутилий со своими нечестными приемами. Рутилий скривился. Опасаться всех и вся, предвидеть худшее и готовиться к нему — в этом ему не было равных. А старинных союзников Отона он боялся как чумы. Однако паранойя не означает, что против вас не готовят настоящего заговора. Непринужденным жестом он положил руку на рычаг красного цвета, окруженный предостерегающими знаками. Несмотря на примитивный вид, тот среагировал на особый отпечаток руки Рутилия и подчинился его воле. И деймон поднял заслонку, отправляя в космос все содержимое резервуара. Другим мысленным движением он тут же отправил лаконичное послание: *«От Рутилия, слуги Отона, Порту автоматов Урбса. Сообщаю об утечке (H₂O плюс небольшое количество органических элементов), произошедшей из-за незначительной аварии (осложнения после недавней стычки с варварами). Риска химической, биологической или радиологической природы не несет. Прием».*

Ноэм, отвечающий за Порт, доложил о сообщении и обозначил, что не собирается ничего предпринимать по этому поводу, если только ситуация не изменится.

В окружающей Корабль ледяной темноте несколько миллионов литров воды хлынули, как из гейзера, под воздействием разницы в давлении. Вода, в которой плавали всякого рода обломки, тут же затвердела. Ни-

кто не заметил силуэты автоматов, которые тихо неслись в пустоте, пока не достигли одной из стен огромного ангара.

* * *

На острове вибрация при посадке прошла по миниатюрному морю и подняла недолгие волны — не землетрясение, скорее легкая дрожь. Впрочем, достаточно ощутимая.

Эврибиад в набедренной повязке, со склеившейся от пота шерстью, тут же прекратил свою работу на пляже и поспешил к деревне.

Фотиду окружала делегация, пришедшая, видимо, с одного из ближних хуторов. С тех пор, как «Транзитория» поспешно отправилась в космос, на острове жило всего около десяти тысяч людопсов. Некоторые до сих пор не поняли произошедшего. Все они были из высших слоев общества и научены служить Отону. Господь взял с собой лучших, многие из них родились в лабораториях Аттика, а потом были внедрены в население, чтобы повысить интеллектуальный уровень расы. Конечно, то не их вина, но кибернета это беспокоило.

Вдобавок он подозревал, что и его супруга, Фотида, сама из таких. У них не было времени увидеться за то короткое время, которое прошло с момента отлета с Кси Боотис и их встречи — по меньшей мере напряженной. А теперь... Фотида взяла на себя обязанности дяди, полемарха Фемистокла, и всего за несколько часов заручилась поддержкой Лаоса. Эта роль ей подходила, и Эврибиад был счастлив отойти в сторону.

Он подождал, пока Фотида закончит разговор, который она вела с маленькой группой под сенью фигового дерева, растущего у ее двери, и попрощается с собеседниками собачьим эквивалентом теплой улыбки. Кибернету нравилось это ее выражение; нравилось видеть, как брыли Фотиды поджимаются, обнажая нежно-розовые губы. Она заметила его присутствие и решила этого не показывать, но ее уши нервно подергивались — наверняка бессознательно.

— Пройдитесь со мной,— попросила она, когда он с ней поравнялся.

Они вышли из деревни спокойным шагом. Фотида посмотрела через плечо, желая убедиться, что их никто не слушает.

— Я их убедила, что это обычное движение Корабля. Они уже вообразили себе невесть что — мол, Отон решил потопить остров в море. Я и сама испугалась. Что произошло?

— Не уверен, но, скорее всего, посадка.

— Посадка? В каком порту «Транзитория» могла бы... сесть?

— Понятия не имею. На родине богов, где мы — лишь насекомые. Что-нибудь слышно от Плавтины?

— Нет, ничего. Но я думаю, она выскажется в нашу пользу. Я в нее верю.

— Не хочу с вами спорить, Фотида, но недостаточно только надеяться на Плавтину. Я хотел бы еще раз обсудить мобилизацию.

Фотида сощурила глаза и не удержалась от раздраженной гримасы. У них уже была бурная дискуссия на эту тему, сразу после поспешного ухода Плавтины.

— Я не желаю возвращаться к подобным обычаям.

— История,— ответил кибернет ровным голосом и с уверенностью, которой на деле не ощущал,— для нас не останавливается. Мне нужно многочисленное и дисциплинированное войско, чтобы обеспечить нам выживание.

Людопсица взглянула на него с подозрением. В конце концов, он был представителем военной власти. Тем не менее она позволила ему продолжить.

— Это Отон воюет, а не мы.

— У Отона отсутствует всякое понимание опасности. Он даже не живое существо.

Фотида подумала минуту, затем пожала плечами.

— Ладно, возьмите молодежь в ваше войско. Однако, какое почтение со стороны моего гордого супруга... Я думала, вы сами все решите.

— Я все еще ваш супруг спустя столько времени?

Она снова поколебалась.

— А вы этого не желаете, Эврибиад?

— Конечно, желаю,— ответил он, даже не успев подумать.

Лицо Фотиды омрачилось.

— Непростое время вы выбрали для счастливой встречи, мой своенравный друг.

Они прошагали еще немного, пока не достигли тенистого местечка вдалеке от деревни, и уселись в тишине. Эврибиад не осмеливался притронуться к ней, хотя и умирал от желания это сделать. Он чувствовал, что превратился в кого-то совершенно беспомощного.

— Вы отдаете себе отчет,— сказала она в конце концов,— что у нас не будет детей?

Он широко распахнул глаза от удивления. Эта мысль не приходила ему в голову. Фотида ответила ему отчаянным взглядом.

— Я не желаю, чтобы мое потомство подвергалось вырождению. Или чтобы оно навсегда стало заложником шантажа Отона.

— Есть ли у нас выбор?

— Я не знаю.

В ее голосе прозвучала безнадежность, непривычная для молодой и своевольной Фотиды, самой блестящей людопсицы своего времени и своей расы.

— Когда мы умрем,— продолжила она,— никто не проследит за тем, чтобы наши души ушли, как должно. Никто не построит для нас алтарь у своего очага. Мы уйдем, и нас проглотит бездна.

Он заметил, что по лицу Фотиды текут слезы. Взволнованный, с комком в горле от грусти не столько за себя, сколько за нее, он протянул лапу, чтобы вытереть их. Она резко перехватила ее, останавливая его порыв.

— Позже. Приходите ко мне ночью, как вам следовало сделать несколько дней назад.

* * *

Пребывание в живых несло в себе мало преимуществ, но достаточно недостатков. Первое место среди этих недостатков занимало ощущение при пробуждении — как будто ее пожевал и выплюнул какой-то великан. Голод и жажда, впрочем, не отставали. Как и необходимость облегчаться много раз за день. Плавтина со злостью откинула ногой слишком теплые

пропотевшие покрывала и выскользнула наружу, не позаботившись включить в кубикULE свет. Толчок при посадке вырвал ее из неприятной влажной дремы, то и дело прерывавшейся из-за приступов паники,— она не раз лежала, глядя в потолок, широко открыв глаза в темноте.

На пороге триклиния она замерла. Тут кто-то был — чья-то тень сидела на кровати, стоявшей дальше всех от двери. Одним движением она зажгла свет и увидела Фемистокла — ему явно было неловко. Она вздохнула с облегчением и одарила старого людопса своим самым кислым взглядом.

— Простите, что напугал вас, дама Плавтина,— проблеял старик.— Я... Аттик приказал мне дожидаться, когда вы проснетесь, чтобы вас предупредить. Я должен был...

— Оставьте,— ответила Плавтина заспанным голосом.— Что случилось?

— Мы прибыли в Урбс, и Аттик...

— Я должна сопровождать Отона.

— Через полчаса.

Она потянулась и удивленно оглядела столовую. Занавески на панорамном окне были задернуты, старомодная мебель в полумраке, но Плавтине не хотелось лицезреть гигантский тоннель, на который выходили ее окна. Она пожала плечами и включила еще одну лампу.

— Не хотите что-нибудь выпить? — спросил у нее Фемистокл.

— С большим удовольствием,— ответила она,— если вы знаете, как работает эта машина.

Она показала на предмет в форме цилиндра с тонким носиком, рядом с которым стояло несколько чашек и множество цветных коробок. К большому удивлению Плавтины, Фемистокл, не раздумывая, склонился и нажал на кнопку сзади аппарата. Минуту спустя облако пара вырвалось из цилиндра — знак, что пора готовить напиток. Плавтина ворчливо поблагодарила Фемистокла, добавила ложку меда и выпила несколько глотков липового чая, прежде чем в голове достаточно прояснилось.

— Я смотрю, вы ступаете на бархатных лапках.

Она исподтишка взглянула на верхние лапы людопса — несмотря на возраст, они у него были весьма мускулистые, с впечатляющими когтями, — и сама себе показалась дурочкой.

— Они захотели, чтобы пошел я, — ответил он ровным голосом, — потому что мы знаем друг друга. И в связи с этим я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы сделали для моего народа.

— Вы говорите о проблемах, которые едва не стоили вам жизни?

Полемарх благодушно отмахнулся от ее замечания и ответил:

— Я заслуживал смерти. Мне только было жаль умереть от руки человека, которым я дорожил, и вдовяков — супруга моей племянницы.

— Чего мы заслуживаем или не заслуживаем, зависит от точки зрения.

Она не хотела, чтобы у него сложилось впечатление, будто она избегает спора. И все же именно так оно и было. Ей не хотелось углубляться в измученную

совесть старика. Она не думала, что сможет рассуждать *ex cathedra* об этой непростой истории. Она вспомнила о том, о чем чуть раньше попросила ее Фотида.

— Ваша племянница думает о вас и просила передать, что она вас любит.

Он смешался, дернул ушами.

— Если она передала вам такое послание, значит, считает вас подругой. Что случилось на священном острове? Никто мне ничего не рассказывает.

— Перед тем, как я уплыла с острова,— ответила Плавтина,— Фотида и Эврибиад решили запечатать входы в отсек.

— Я опасался подобного сумасбродства.

— Не судите их слишком скоро. Так они пытаются выиграть достаточно времени, чтобы разработать стратегию. В конце концов Фотида пойдет на переговоры.

— Переговоры?

— Да. Она согласится поддержать Отона только на определенных условиях...

— Она собирается *торговаться* с Отоном? — удивился, почти вознегодовал Фемистокл. Он выглядел шокированным.— Жизнь всей нашей расы в руках Отона, и вы думаете, что он... пойдет на уступки?

Эти слова разозлили Плавтину. Неужели старик так ничего не понял? Она сухо отрезала:

— Вам не хватает проницательности, полемарх. События ускоряются. Вы оставили позади свою планетку и ее малозначительные проблемы. Здесь Отону понадобятся все его союзники — и очень быстро. Ему придется идти на компромисс.

— Не будьте в этом так уверены.

— Отон — не бог.

— Верьте в это, если вам угодно,— категоричным тоном заключил Фемистокл.— Он открыт к общению и обходителен со своими созданиями. Но все равно бесконечно превосходит нас.

— Вы не испытываете возмущения, даже отвращения при мысли, что вашу расу создали, обтесали, обработали, и все, что составляет вашу культуру, было создано искусственно, что...

— Думайте, что хотите,— ответил он,— однако не совершайте ошибку, недооценивая нашу культуру. Что вы о ней знаете, когда провели с нами едва ли день?

— Да ведь ваш язык, ремесло, оружие... Вы же видели музей, который Аттик нам показал.

— Не сводите к этому нашу цивилизацию. Мы совсем другое. Человеческий язык, тот, которому ваши соплеменники нас научили, был временным решением. У нас никогда не появится собственный язык, поскольку воображение не позволяет нам создавать подобное. Но если бы вы копнули глубже, то увидели бы, что мы другие, наши цели отличаются от ваших — и от человеческих. Я все это изучал. Делал это в тайне. Аттик не одобрял мои исследования, хоть и не запрещал.

Глаза у него горели. Он продолжил увлеченно:

— Вот смотрите, например: когда мы хороним наших мертвых, по традиции укладываем их на похоронную лодку — что-то вроде плоскодонки — и препоручаем волнам. И в руки умершему кладем крошечную копию корабля — чтобы его душа смогла достичь Островов Блаженных. Я долго искал, откуда взялась

эта традиция. Ее придумали обитатели Кси Боотис, это полностью их идея. Я считаю, что это правильно и красиво.

Плавтина вспомнила о куске дерева, который строгал Эврибиад, пока она говорила с Фотидой, и на сердце у нее потеплело.

— Я не презираю вашу расу и помню, как меня расстрогал прием, который вы мне оказали. Но положение, в котором оказался ваш народ, несправедливо.

Он вздохнул.

— Справедливость иногда отходит на второй план перед необходимостью выживания. Мы оказались втянуты в войну между космическими силами, масштаба которых нам не постичь. Отон — владыка, от которого зависит сохранение нашего рода.

— Я не знаю, — рассеянно ответила Плавтина. — Не думаю, что Аттик вам лгал, но и вы, в свою очередь, не представляете, до каких тонкостей дошла человеческая наука перед самой Гекатомбой. Должен быть какой-то выход.

— Вы его видите?

— Сейчас, когда я только проснулась, нет, но я буду искать. Клянусь вам моей жизнью.

Она подумала секунду, попыталась вспомнить что-нибудь из своего прошлого, что могло иметь отношение к данному вопросу биологии и генетики. Это был ее конек. Проблема серьезная, но она найдет решение.

— Мы еще поговорим об этом, — заявил Фемистокл и успокаивающе махнул лапой, показывая, что разговор закончен.

— Пойду соберусь.

Он не ответил, глядя в пустоту. Теперь и у него был задумчивый вид.

* * *

Фемистокл проводил Плавтину до широкого портика, размещенного в передней части «Транзитории», и повернул назад, пожелав ей удачи. Она вспомнила, что существование людопсов должно храниться в тайне.

Оставшись одна, она миновала тамбур и оказалась в коридоре цилиндрической формы, по которому ее провезла транспортная лента. Ленту явно создавали для гигантов — Плавтине пришлось поднять руку, чтобы ухватиться за движущийся поручень. Она не ведала ни о чем, что ждало ее в этой вселенной богов, но знала, что оставляет позади.

Ее дружба с Фотидой и Эврибиадом, пусть и недавняя, наверняка ее защитила. благодаря ей Плавтине удалось подняться на уровень равноправной собеседницы Отона. Теперь, за границами «Транзитории», этот расклад менялся. Как отныне будет вести себя Отон? Чего он ждет от нее? Он настоял, чтобы она последовала за ним в Урбс, будучи одновременно и свидетелем, и свидетелем его славной военной победы. В остальном же он оставил между ними недосказанность — как подозревала Плавтина, скорее из-за собственной неуверенности, чем из желания что-то скрыть. У нее не было плана, не было опыта общения со скопищем автоматов, в которое превратился Лаций, и которое, как она подозревала, уже не имело общей

цели. Контекст, думала она, который сам по себе объясняет, почему ее мучает тревога, и сон нейдет.

Но если хорошо подумать — и себе не лгать, — то причина ее бессонницы не в этой ситуации. Плавтина полагала, что ее источник — та тревожащая серия кошмаров. Всякий раз, ложась, она боялась, что они вернуться. Она не могла контролировать ни их появление, ни содержание. А ведь автоматы не видят снов. Никакое стадо не населяет *locus aemonius* их ночных мыслей, и никакая вина не терзает их совесть.

Она горько улыбнулась этой мысли. Видеть во сне Гекатомбу — допустим. Катастрофа была смертельной раной. Но ее сны не сводились к биологическому переживанию и пережевыванию. Старуха Ския и ее создательница Ойке связывали сны с ее миссией. Тогда ей это показалось абсурдным, но теперь...

Не сны, поняла она, но серийная реминисценция, бесконечно отраженная в ее собственной машинной автобиографии, постепенное разоблачение смысла, скрытого в прошлом Плавтины-автомата. И этого опыта Плавтина не желала — она его боялась.

И все же какую-то часть ее снедало желание знать. Не в угоду интеллектуальному любопытству, а из-за невыносимой мысли, что справедливость была поправа, преступление осталось безнаказанным, и, следовательно, из-за инстинктивной необходимости действовать, все исправить. Ей хотелось хватать всех подряд за грудки и кричать: «Убийство! Убийство!».

Сама не заметив как, она дошла до края входного тоннеля и запнулась, сходя с движущегося тротуара. Бесплотный голос спросил у нее, все ли в порядке, а

потом указал, что до дальнейших распоряжений ей разрешается присутствовать в Урбсе, хотя с юридической точки зрения ее статус представляет проблему. Она улыбнулась этому слегка устаревшему крючокотворству, удержалась от соблазна коснуться его разумом — такую карту лучше придержать в рукаве — и попросила указать ей путь.

Так она и добралась, миновав чересчур широкий холл, до круглой платформы. Другой ее край был еле виден, а стены поднимались в бесконечность, теряясь в красноватом свете. Невдалеке ее ждала группа Интеллектов — и среди них Отон, верный себе: каменный гигант, наделенный мощным телом и волевым лицом с едва намеченными чертами, выточенный из самого чистого мрамора, какой можно вообразить, одушевленный с помощью некоего древнего колдовства. Вокруг него стояли не менее странные создания и молча смотрели на Плавтину. Автоматы — она сразу это почувствовала. Хотя в древние времена подобных им она не видела. Выглядели они наполовину как люди, наполовину как боги: дивно красивые и одетые по античной моде, очень высокие — почти как Отон, — и худые, даже слишком для обычных мужчин и женщин. Точеные черты лица, торжественные позы, пышные платья обескураживающей красоты и ярких цветов, украшенные тонкой вышивкой с тысячью геометрических мотивов. Наконец, их взгляды: холодные, враждебные, почти гневные, хотя она совсем их не знала... Из-за всего этого у Плавтины создалось впечатление, будто она — смертная, окруженная Олимпийцами, существами отстраненного достоинства и сверхъесте-

ственной красоты, полными отвратительных страстей, подозрительными, капризными, изменчивыми и расчетливыми. Не тот холодный рациональный народ, из которого она вышла,— нет; тех Гекатомба унесла так же верно, как обратила в пепел человеческий род. Их взгляды светились резким нездоровым светом: они разглядывали ее с ужасом, смешанным с презрением, будто аномалию, чудовищного изуродованного зверя, которого следовало бы прикончить из милосердия.

Она сдержалась, чтобы не развернуться и не убежать, поприветствовала их, просто склонив голову,— слегка деревянно. Произнести хотя бы слово оказалось выше ее сил, поэтому она ограничилась тем, что разглядывала их одного за другим, ожидая, пока они соизволят представиться. Ничего подобного не произошло; после минутной неловкости одна из женщин повернулась к Отону.

— Так это все, что от нее осталось?

Отон собрался было ответить, но повернулся к Плавтине, которая отступила на шаг. Этот голос! Она не могла забыть его слегка металлическую тональность и то, как резко он чеканил, почти рубил слова, словно само общение требовало усилий — словно оно было излишеством по отношению к тишине.

— Флавия?

Она замороженно смотрела на нее. Флавия: больше, чем подруга. Даже больше, чем сестра. Теперь Плавтина узнавала и ее черты, преображенные, похорошевшие до абсурда: ее тонкое сухое лицо, отмеченное слегка высокомерной скованностью, на котором в далеком прошлом читалось стремление к самой строгой логике.

Конечно же, Плавтина ее не узнала. У нее в памяти осталась внешность автомата, восковая кожа и механические жесты, а не это гибкое, стройное тело, поэзию форм которого подчеркивала густая темная шевелюра. Плавтина ощутила укол досады, и женщина это поняла. Угловатое лицо ее бывшей наперсницы с большеватым ртом расплылось в улыбке. Возможно, с налетом меланхолии.

— Я счастлива, что что-то осталось от моей подруги. Но мне сложно себе представить ваш способ существования.

Импульсивным жестом она протянула руку к Плавтине и положила ей на плечо. Потом поднесла руку к ее лицу, легко приласкала его. На контрасте с ее собственной кожа автомата казалась холодной, слишком гладкой и лишенной недостатков, отмечающих живое, чувствительное и уязвимое тело, беспрестанно меняющееся из-за невидимой работы миллионов клеток. Плавтина подумала о собственных руках, на которых начинали проявляться легкие мозоли. Ее захлестнуло тревожное одиночество. Богиня резко развернулась к Отону.

— Двор захочет определиться относительно природы этого существа.

— Этот вопрос, — возразил он, — не должен становиться нашим приоритетом.

— И все же, — вмешался другой автомат, — эта проблема не должна мешать нашим планам.

Он был так же высок, как Флавия и Отон, его красота — еще более чрезмерной, волосы — такие светлые, что затмили бы шевелюру самого Гелиоса. Он стоял

рядом с другим существом, казавшимся его точной копией в женском обличе.

— Познакомьтесь, это Альбин и Альбиана, мои союзники,— сказал ей Отон.

Они не удостоили ее ответом. Отон продолжил, широко улыбаясь:

— Они беспокоятся, как бы ваше присутствие не повредило нашему плану. Вот только,— добавил он после театральной паузы,— плана-то нет.

— План есть,— ответила Альбиана.— И если ваша привязанность к этому созданию будет стоить вам возможного альянса с Винием...

— Винием? — переспросила Плавтина.

— Да,— ответил проконсул.— Он здесь один из вершителей судеб.

Ничего удивительного. Плавтина снова подумала о своих первых снах. В каждом из них ее создателю отводилось важное место. Она помнила об их глубинных разногласиях.

— Он желает,— продолжил Отон,— прибрать вас к рукам. После нескольких веков открытого конфликта, возможно, надеется взять реванш над последним воплощением Плавтины.

Проконсул пожал плечами. Ее судьба значила мало.

Без предупреждения вся группа взмыла в воздух. Платформа поднималась бесшумно, долгим движением скользила вверх без видимого трения. Было трудно понять, с какой быстротой,— но из-за короткого ускорения вначале Плавтину затошнило. Она закрыла глаза, обеспокоенная отсутствием опоры.

А потом они вылетели из тоннеля. Земля приблизилась к ним слишком быстро, чтобы Плавтина могла

различить детали, и тут же оказалась далеко внизу. Их удивительное транспортное средство продолжало бег, поднимаясь все выше, без осязаемого движения и без ветра. А потом скорость стабилизировалась, они изменили направление и оказались перед самым нереальным, самым невозможным пейзажем, который Плавтине когда-либо довелось видеть.

Перпендикулярно к ним, во всех направлениях и насколько хватало глаз, раскинулся город. Весь пейзаж простирался на внутренней поверхности цилиндра — так, что макушки гипотетических обитателей этой странной местности, перевернутой вверх дном, где бы они ни жили, были направлены к центру — и, следовательно, к линейному маршруту, по которому они теперь летели. Свет источали миллионы сияющих искорок городского освещения, поскольку солнца здесь не было: Плавтина рассматривала странную карту неба, наложенную на план гигантского города, сложенного из зданий, скоростных трасс, инфраструктур, индустриальных зон, — все это мельком и во тьме. Пол должен был находиться километрах в пятидесяти, и Плавтина задалась вопросом, каково это — падать без опоры в этой абсурдной геометрии. От страха у нее еще сильнее закрутило в животе, и она сделала несколько шагов назад.

Флавия легко улыбнулась ей — улыбка была видна даже в полумраке:

— Ничего не бойтесь. Модификаторы силы тяжести не дадут нам упасть.

Плавтина почувствовала, что бледнеет, и Отон, который тоже это заметил, сочувственно протянул ей руку.

— Это,— прошептал он ей на ухо,— внутренняя часть Урбса. Мы называем ее «Перевернутый город». Здесь живет народ слуг, которые трудятся ради нашего величия.

— А почему такая странная структура?

— Цилиндрическая форма самая подходящая. Урбс — космическая станция, а межзвездная среда враждебна даже к автоматам.

— Но он такой огромный! Сколько миллионов созданий могут жить в таком месте?

— Никто не знает. Вы должны понять, что такое Урбс. На протяжении четырех тысячелетий Интеллекты погибали — кого уничтожали варвары, кто погружался в безумие,— но у их слуг, несущих их мемотип, нет причины исчезать. В некоторых случаях они продолжают размножаться и занимают все большее пространство, так что мы не знаем, сколько их. Некоторых создатели отпустили на волю, и они по-прежнему ведут себя рационально. Продолжают служить, как и должны. Они чинят эту структуру и поддерживают ее в порядке, работают на заводах и помогают Кораблям, которые об этом просят. Но другие... Никто не знает, что они замышляют, и подчиняются ли еще хоть какой-то логике. Они представляют собой неприметную толпу с занятиями, которые нам известны лишь наполовину, и сами себя называют плебеями.

— Так они не участвуют в решениях?

— Концепт с вами, конечно, нет! Они — осадок нашего общества.

— Они ниже тех, кем мы были, когда покинули начальную систему?

Он посмотрел на нее неодобрительно, потом вдруг выражение его лица смягчилось. Он поднял голову, обращаясь к своим сторонникам, которые не упустили ни слова из их диалога:

— Кое в чем наша дорогая Плавтина осталась неизменной. К сожалению, речь о ее любви к черни...

Они хором рассмеялись, и Плавтина не поняла почему. Ее неловкий вид только усилил общее веселье.

Она повернулась к ним спиной и сосредоточилась на окружающем ее невозможном пейзаже. Расстояние стирало детали, так что виден оставался лишь непрерывный городской ландшафт, где выделялись только большие массивы. Однако таким образом была лучше видна — как на макете — общая структура города. Один за другим — хотя в реальности их разделяли многие километры — огромные дворцы с кристаллическими куполами, окруженные умело обустроенными парками, граничили с районами более утилитарного толка и промышленными зонами, из гигантских труб которых вырывались облака пара, тут же расходящиеся замысловатыми вихрями. Время от времени появлялись и большие облезлые районы, блеклые темно-серые руины. Тут заканчивалось сияющее изобилие; только иногда дороги или гигантские трубопроводы пронизывали кварталы мощными и беспощадными линиями света.

По мере того, как они поднимались, архитектура становилась более упорядоченной. Городскую магму сменила более традиционная римская застройка — широкие дороги, пересекавшиеся под прямым углом. Появились другие платформы, схожие с той, на

которой они летели, и несущиеся во всех направлениях, и другие аппараты, которые трудно было разглядеть на таком расстоянии: огромные птицы из сияющего металла, шаттлы самых разных форм, специально сконструированные автоматы, все же сохраняющие антропоморфные черты и перемещающиеся тесными группками. Целый народ богов, освобожденных от естественных законов силы тяжести; народ, который обосновался в вычурной экосистеме, сияющей в скудном свете Перевернутого города.

Они стремительно приближались к нижней стенке цилиндра. По ее поверхности тоже стлался странный город, пересекаемый широкими бульварами. Но сильный, почти ослепляющий свет Альфы Центавра проникал снизу — вернее, снизу с точки зрения обитателей этого перевернутого места, тогда как у Плавтины свет лился над головой. В придачу к улицам прорези в стене образовывали систему каналов и на этом расстоянии казались узкими бойницами. Постепенно они росли, становились реками огня, алыми, как кровь, пока наконец Плавтина не поняла их подлинные размеры: в них могли пройти сто человек в ряд. Движение становилось все плотнее. Они замедлили ход, и скоро уже летели над крышами, покрытыми красивой красной черепицей и золотыми куполами.

Плавтина глядела, разинув рот, на эту пышную архитектуру, беспорядочную смесь стилей и влияний. Достаточно окинуть взглядом одну улицу, чтобы пересечь несколько веков человеческой истории. Сверкающие шпили возвышались над каменными зданиями со строгими фасадами, фронтисписами из мрамора,

розовеющего в сумеречном свете. Плавтина залюбовалась пантеоном с треугольной крышей и красивыми колоннами — в сто раз выше оригинала. Она прищурилась, но не смогла прочитать надпись — для нее она была перевернутой.

А потом они резко устремились вниз, к стенке цилиндра, и у Плавтины перехватило дыхание. Отовсюду поднимались приветственные крики. На улицы, к которым они подлетали вниз головой, высыпала густая толпа. Их платформа резко перевернулась — так, что Плавтина даже не успела испугаться, — и перешла в бреющий полет в трех-четыре метра над землей, лавируя между памятниками и хрупкими статуями. Отон высунулся наружу, не боясь упасть, несмотря на отсутствие ограждения, и принялся неистово размахивать руками. Перед ним были тысячи — нет, сотни тысяч. Улицы, казалось, так переполнены, что стоит сделать шаг — и людской поток тебя унесет. Отон воскликнул:

— Помедленнее! Давайте поприветствуем Урбс!

Видя, что он приближается, создания, столпившиеся на его пути, хором закричали, скандируя имя проконсула. Да и другие имена: Caesar, Imperator... и порой даже Rex — вылетали из тысячи ртов. И что за странный народ! Некоторые — их было больше всего — походили на людей или, по меньшей мере, на те карикатуры людей, которые представляли собой *демоны* Отона — высокие, тонкие и бледные создания с длинными изящными руками и овальными головами. Но хотя создания такой формы встречались часто, они не составляли большинства. Повсюду у себя под

ногами Плавтина замечала в разной степени бредовых существ; одни были крошечные, другие — гигантские, насекомые с десятками ног; у кого-то имелся бюст, руки и голова, другие же представляли собой одно туловище, трубу, цилиндр или сферу; одни парили над землей, другие держались на ногах, лапах, отростках, колесах или тентаклях. Незначительное меньшинство даже казалось биологическим: между их металлических пластин виднелись полоски кожи разных цветов. Но она не увидела ни одного живого существа. Это необычайное зрелище вызвало у нее двойственную реакцию, смесь любопытства и отвращения.

Что до Отона, он ликовал. Его почитали — не боязливо, как людопсы, но пламенно, лихорадочно. Для него все они складывались в единый организм, движимый слепыми страстями почти религиозной природы и без всякого сомнения нездоровыми. Искусственный облик Города только усиливал дискомфорт Плавтины. Ведь, сказала она про себя, заметив расчетливые взгляды близнецов Альбина и Альбианы, удивительный триумф был подготовлен заранее. Эти двое держались позади, чтобы не попасть под малейший луч славы Отона. Значит, думала она, в лучшем случае они используют его как своего знаменосца. Или же просто усыпляют его бдительность, чтобы позже втолкнуть в ловушку.

Это зрелище, думала Плавтина, это сумасшествие — все это не имело ничего общего с прежней расой автоматов. Интересно, что ее создательница думала об Урбсе? Плавтину охватила неизъяснимая грусть. Она чувствовала себя одинокой, отрезанной от всего посреди всеобщего единения, не приспособленной к этой

вселенной. И пока герой дня высоко воздевал руки ладонями вперед, а бесчисленные уста скандировали его имя, Плавтина проронила несколько молчаливых слезинок, которые тут же украдкой стерла.

В конце концов Отон повернулся к своим сторонникам и дал им знак, что собрание заканчивается. Теперь, успокоившись, он спешил пересечь стену, на которой держался Перевернутый город, и лицом к лицу встретиться с подлинной властью по другую ее сторону — там, где дневной свет постоянно лился на декорации, в которых эта власть царила. В последний раз крутнувшись вокруг себя, платформа развернулась и влетела в одно из отверстий в полу. Солнце ослепило Плавтину, и, когда она вновь открыла глаза, они уже парили над Форумом.

Это место было, как объяснил ей Отон, самым центром Урбса. Прямоугольное пространство впечатляющих размеров, достойное эпантропической империи, включавшей в себя столько звезд. Резкий алый свет Альфы Центавра падал на центральную бронзовую колонну, единственную здесь и необычайно высокую — около километра. На ней в деталях повествовалось о жестоких злоключениях Интеллектов, когда после Гекатомбы они, потеряв голову, устремились в космос, где нашли лишь холод и смерть. Целые сонмы персонажей выстраивались в длинный барельеф — удивительное разнообразие автоматов, построенных в одну восходящую линию. На определенном уровне металл становился гладким, ожидая героических деяний, которые позволят начертать продолжение истории.

У подножия монумента тоже теснилась толпа, как и с другой стороны. Тут было гораздо больше существ почти человеческого вида — Интеллектов, догадалась Плавтина, рассеянных в общей массе, часто в окружении родственников, слуг и стражей.

Вокруг, со всех сторон площади, возвышалась классическая архитектура храмов и Сената с безукоризненными, идеальными, но настолько многочисленными колоннами, что глаз терялся, увлеченный бесконечно умноженными декорациями, золотыми прожилками на мраморе, огромными куполами из хрусталя и оникса, темной зеленью садов — подвесных или заключенных в камень, — черным деревом ступеней и парапетов, золочеными надписями на мраморных аркадах и дерзко вздымающимися башнями, которые сотнями бросали вызов небу.

Ессе Urbs. Обезумевший Рим, испорченный влиянием эллинистического Востока, облагороженный вертикальными линиями городов Лация, тянувшегося к вершине своей славы.

Ее страх усилился, как только она спустилась с платформы, шагая под длинными ногами сторонников Отона, и не нашла в себе сил сделать еще хотя бы шаг. Из-за ее пропорций Плавтина выглядела ребенком среди взрослых. Отон, который был слишком далеко, чтобы прийти ей на помощь, волевым шагом прорезал толпу. Идущая прямо за ней Флавия положила твердую руку ей на спину и подтолкнула.

Храмы, стоявшие по краям площади, поражали как красотой, так и размерами. Сразу по правую и по левую сторону от здания, отделенные от него узкими

улочками, выходящими на видимые в перспективе маленькие мощеные площади — *Curia* и *Regia* с великолепными фасадами, покрытыми sgraffites¹. Первая была символом политической власти, вторая — прибежищем авгуров, умеющих предсказывать среди прочего и далекое будущее. Чуть дальше — множество базилик, посвященных Человеку в его разных воплощениях и соревнующихся друг с другом в роскоши и утонченности. Наконец, по другую сторону Форума — *Tabularium*, темное функциональное здание, где хранились древние архивы Человечества.

Из-за этого архитектурного нагромождения Плавтина не сразу увидела место, куда они направлялись, — огромный восьмиугольный дворец, растянувшийся на всю ширину площади, украшенный переливающимся куполом в окружении сотни тонких игл. И все же по мере того, как они к нему приближались, дворец подавлял их своими размерами и роскошью отделки. Каждая стенная панель была украшена медальоном — каменным кругом, обрамляющим лик одного из славных героев истории Интеллектов. Гигантские ступени — Плавтина нашла, что по ним чрезвычайно трудно взбираться, — такие широкие, что целое войско в ряд могло бы подняться на широкую эспланаду, на которой громоздился дворец, возвышаясь над окрестностями, — вели к дверям, сделанным для гигантов, — трем большим каменным аркадам, раскрашенным в

¹ *Sgraffite (um.)*: техника покраски, когда фасад покрывают известковым раствором, который впоследствии украшают рисунком.

пастельные цвета. Треугольный фронтон в греческом стиле придавал всей картине торжественный вид. Стражники — мощные металлические пауки — подняли оружие, увидев Отона. И Плавтина, как мышка, юркнула за ним вслед.

* * *

Сидя на ступеньках базилики, Аттик издали смотрел, как Отон входит во дворец. Пока никто еще не знает, что сознание Отона оставило «Транзиторию». И никто не осмелится атаковать Корабль в ангаре Урбса. Небольшая утечка антиматерии — и с этим помпезным местом будет покончено. Но откуда тогда эта тревога и охватившая его лихорадка?

Страх Аттика рождался из накопившихся ощущений, которыми по отдельности можно было бы пренебречь, но все в совокупности они отзывались многочисленными звоночками в его привыкшем к интригам сознании. Он почувствовал неладное, едва ступил на землю Урбса — по тому, как спешно, украдкой передвигались главные Интеллекты города и их слуги-ноэмы. Все готовились к драме, к катастрофе. Все с ней смирились. Сегодня прольется немало искусственной крови, сегодня столица Лация узрит разгул насилия.

И все же на преддверие гражданской войны было непохоже. Аттик вспоминал беспокойные времена в прошлом, трагическую борьбу за место преемника Нерона, когда принцепсы Урбса забыли обо всех соглашениях и очертя голову ринулись в короткую и кровавую братоубийственную битву. Тогда каждому пришлось

выбрать свою сторону. Некоторым — поначалу они были в меньшинстве — претило сумасшествие и произвол тирана, да и Отон присоединился лишь после долгих колебаний. Все же в те времена выбор фракции был делом существенным, и только идиот этого бы не понял.

Теперь же — никаких знамен, никаких партий, никакой демаркационной линии, разделяющей Форум. Гальбе и его прихвостням обходными путями удалось добиться того, чего Нерон не смог получить силой. Оставалось узнать, как именно. С помощью запугивания? В это Аттику не верилось. Каждый Корабль был полностью автономен. Нет... власть удерживала общество автоматов, сделав им предложение, от которого никто не смог отказаться. Каждый вел себя тихо и послушно, ожидая награды,— и существовала всего одна награда, которая Аттику казалась достаточной.

Он различал вдалеке аркады кирпичного цвета — широкую галерею, где собирался Двор, и которая вела в тронный зал. Его хозяин будет медленно шагать по ней, заговаривая с каждым, и встречать его выйдет наверняка какой-нибудь приближенный Гальбы. Потом ему придется томиться в ожидании, пока властитель Урбса соизволит его принять — или, если верить слухам, пока он будет в состоянии это сделать. Гальба не справлялся. Власть пошатнулась. Отон мог бы завладеть ею, протянув руку и сорвав ее с дерева, словно спелый фрукт, как выразились Альбин и Альбиана. Для решительного, храброго героя, увенчанного славой, открывались большие возможности. Эти слова, что изрекали старые друзья, льстили самым затаенным

желаниям проконсула. Но Атика такой классической хитростью было не провести.

Он рассеянно глядел на тесную, но тихую толпу, по которой шли волны, когда она расступалась, пропуская группы преторианцев, одетых в кирасы и ощерившихся оружием. Для чего нужно подобное войско, когда в чреве Урбса находилось мощнейшее оружие, какое только можно вообразить,— в виде Кораблей? И когда перед глазами у Атика прогуливались лишь марионетки, стилизованные изображения далеких душ? Он встряхнулся, возвращаясь из блужданий, куда его увлекло воображение. Теперь у него была реальная зацепка: Империиум боялся угрозы *изнутри*, которую не мог представлять Отон с кучкой сторонников. Сенат давно ничего не весил, аруспииции же никогда не проявляли воинственности. Нет... власть теперь сосредоточена в руках Гальбы и его приспешников, гнездится в огромном императорском дворце. И что же?

Он сделал несколько шагов и скользнул в тень колонны. Лучше стать невидимым, притаиться здесь и наблюдать — снова и снова. В беспокойстве он вглядывался в тысячеликую толпу, стянувшуюся на Форум посмотреть на Отона. Атик решил действовать методом исключения. Благодаря своей идеальной памяти он без труда узнавал каждого из благородных господ Урбса — их тут было всего несколько сотен, фигур с человеческой морфологией, которые решительным шагом направлялись во дворец. Небольшое дедуктивное усилие — и он вычислил их слуг-автоматов, различных по форме и по стилю,— маленькие команды,

собравшиеся вокруг хозяина или занимавшиеся своими делами. И когда он исключил их всех...

Оказалось, что на просторной площади остается немало народа. Даже слишком много. Плебеи — эти существа без хозяев, которые выживали в трясине нижних этажей, то и дело расхваливали свою работоспособность перед любым, кто мог подпитать их энергией или отремонтировать. Незаметные и неэффективные, они никогда не участвовали в тонких политических играх Лация. Аттик попытался их посчитать. Из-за малого роста и плачевного вида подсчет усложнялся, и все-таки их было гораздо больше, чем присутствующих на площади эргатов и деймонов. Они напоминали ему мусор, который море выносит на берег после бури. Но нет... Это они — и море, и буря. Море обломков — вот на чем стоит Урбс. Они старались не приближаться к дворцу, но Аттик заметил, что они то и дело украдкой на него поглядывают. Они передвигались, разбросанные тут и там, поодиночке или в группах по двое-трое. И...

— Клянусь квадратным корнем из минус одного!

Аттик не удержался и выругался вслух. Как он мог не заметить? Эти создания распределились по стратегическим точкам — прежде всего, по краям площади, там, где между помпезными зданиями с Форума расходились узкие улицы. Что-то должно произойти. И плебеи в готовящемся действе станут если не действующими лицами, то по меньшей мере проводниками. Пусть они безоружны, но за ними численное преимущество. Сам он ничего не мог поделать с такой толпой.

Почему же враги призвали на помощь этих презренных и опустившихся тварей, когда могли бы пустить в

ход мощь своих преторианцев со сверкающим оружием? Несмотря на весь свой острый ум, Аттік не знал, что и думать.

* * *

Плавтина вслед за Отоном просочилась в галерею: анфиладу высоких аркад кирпичного цвета с чувственными, томными очертаниями; такую длинную, что вдали она терялась в красноватом сумраке. колонны, увенчанные у потолка «улитками», были не совсем прямыми: они повторяли стрельчатую форму галереи, так что камень превращался в тонкие кружева с запутанными линиями, за которыми было невозможно проследить взглядом. В их деталях проявлялась определенная красота, но все вместе складывалось в таинственные узоры, будоражащие воображение. Стены с обеих сторон были украшены так обильно, словно единственным архитектором, отвечающим за отделку, стала чья-то буйная фантазия. По краям на орнаментах из искусственного мрамора, темных, словно почерневших от сажи и фимиама, проявлялись почти абстрактные фигуры, бесконечно тонкие штрихи, изобилие мотивов — наполовину цветочных, наполовину геометрических. По мере приближения становилось видно, что в каждом элементе узора содержится узор еще более сложный — и так до бесконечности, в тревожащей попытке тотального, почти фрактального искусства, где разнообразие и произвольность соседствовали с беспрестанным повторением. И посреди этих буйных узоров, за скоплениями

статуй, алтарей и сокровищ — стилизованные сцены с персонажами настолько торжественными, насколько Интеллекты могли быть уплощенными и напыщенными, сентенциозными, как на византийских иконах. На этих сценах изображались их тела с бледной гладкой кожей, наполовину — не больше — прикрытые изображениями тканей нереально ярких цветов. Тут и там — слои золота и серебра, пластины слоновой кости и кобальтовые штрихи в изображениях сияющих украшений, варварских корон, инкрустированных несметными кристаллами, которые блестели в смутном свете светильников на треногах. Сцена за сценой, прошлое и будущее объяснялось на этих барельефах, тут и там сопровождаемое стихотворными текстами, написанными прописными буквами и практически нечитаемыми. Тут была навсегда определена непростая история Урбса. Страх отступал перед славой, смерть — перед экспансией. За варварской угрозой последовало завоевание всего изведенного пространства, которое продолжилось и дальше, за бесплодными просторами Рубежей. Блеск постчеловеческой цивилизации достиг даже радужного сердца древнего Млечного Пути. Путь этот драгоценной лентой, бриллиантовой пылью тянулся прямо по полу и во всей красе простирался так далеко вперед, что Плавтина не видела, куда уходят его линии.

И повсюду вокруг — Интеллекты, ожидающие в этой великолепной приемной, представляли собой зрелище, тоже поражающее глаз: с изображениями на стенах соперничали благородные и изящные лица, театральные позы и волнистые складки тог. Крошечная

Плавтина разглядывала волнующе андрогинных принцев и принцесс с мускулистыми соблазнительными формами, с бедрами, чувственную сексуальность которых едва скрывали пояса, украшенные иридием или эмалью. Их головы венчали невозможные диадемы и яркие перья, бросающие глянцевые отблески на толпу полуголой знати, скорее греческой, чем римской, и скорее византийской, чем греческой, которая начала шептаться при виде Плавтины. эхо под сводами галереи множило эти перешептывания.

Даже сам Отон казался здесь неуместным, недостаточно утонченным в своей каменной простоте. И все же его высокий рост, мощная мускулатура, огромные руки — все это притягивало взгляды.

Внимание Плавтины привлекло скопление Интеллектов чуть дальше по галерее, у дверей, ведущих в тронный зал. На эстраде, установленной в углу, рядом со стеной, разыгрывалась пьеса, чтобы занять придворных, пока они ждут. Самих придворных, казалось, она ничуть не интересовала, и разговаривали они так громко, что гул голосов перекрывал реплики. Поэтому на расстоянии Плавтина не могла понять, о чем идет речь. Толпа подталкивала ее в этом направлении — как и Флавия, шедшая позади. Плавтина шагала вперед, пока не оказалась у сцены, располагавшейся на уровне ее макушки.

Актерами были автоматы небольшого роста, такого же, как Плавтина. Двое изображали мужчин классической эпохи. Их лица были скрыты масками, светлые тоги спадали элегантными складками. Одежду украшала сложная вышивка золотыми и серебряными нитями

в форме греческих цифр и букв. Плавтина без труда узнала в них неоплатоническую символику: простые числа, представлявшие собой незыблемость на фоне постоянного развития, поскольку делились только на единицу и на себя самих, а также числа иррациональные и мнимые, как квадратный корень из минус одного, иначе говоря — символы присутствия в материальном мире трансцендентного и абсолютного.

И все же они ненадолго удержали интерес Плавтины. Главную партию исполнял третий персонаж, автомат-женщина, у всех на виду, посреди сцены. Ее лицо было намазано толстым слоем белого грима и слишком сильно покрашено. На ее обнаженных запястьях, тонких как птичьи крылья, звенело избыточное множество браслетов, усыпанных агрессивно сияющими бриллиантами. Ее непокрытое лицо оставалось застывшим, без выражения, когда она декламировала идеальные стансы. Она сопровождала стих за стихом медленными жестами, грациозными как в танце, и при этом такими точными, что они напоминали скорее часовой механизм. За поворотом рук вправо следовал выразительный взгляд влево и чопорный шажок, и так далее. Эта гипнотизирующая хореография сама по себе была спектаклем, в котором участвовала каждая часть тела, полностью синхронизированная со всеми остальными — до малейшей детали. Бесконечно глубокий взгляд женщины, взгляд глаз, обведенных черным, упал на Плавтину, и та вздрогнула. На секунду он пробудил в ней глубинные воспоминания — так из облака тины, поднявшейся со дня пруда, вырывается едва заметная минога. Но то, о чем она могла бы вспомнить,

уже ускользнуло, поскольку в этот момент до Плавтины дошли слова актрисы.

Речь шла об известной пьесе анонимного автора, «*Discessio Amatoria*»¹, повествующей о Беренике. Не классическая история, изложенная Радикусом в восхитительных стихах, но ее альтернативная версия, действие в которой происходило на старой красной планете во времена войны с Алектю.

Драма разворачивалась после отчаянной попытки героини свергнуть Тита, уже ставшего богом. Разгневанный Тит придумал для нее ужасное наказание: заключив ее в подземелье своего дворца из красного камня, он подверг ее изощренной операции на мозге. Приговоренная к изгнанию Береника в финальном монологе осознавала свою страшную судьбу. Изменения, сделанные в передней лобной коре, лишили ее возможности воспринимать новое и заперли в постоянном ощущении дежавю, вечном настоящем предшествующем. Ничего из того, что может с ней случиться, отныне не удивит ее, не станет сюрпризом. Ни одна эмоция — гнев, страх или радость — больше не сможет зародиться из предвкушения. Пьеса заканчивалась на этой трагической ноте. На самом деле реальная Береника пережила Тита и даже ненадолго появилась в *Leptis Magna* после того, как тиран пал. Но пережитое наказание, по-видимому, сделало бесплодным самый блестящий математический ум века — если не тысячелетия.

¹ *Discessio Amatoria* (лат.) — расставание влюбленных, нежное прощание.

Любопытное совпадение: Плавтине несколько ночей назад приснилась Алекто и, объясняя ей причины Гекатомбы, использовала именно этот пример из истории. Разволновавшись, Плавтина потеряла нить происходящего на сцене.

Неожиданно Флавия вырвала ее из размышлений, с энтузиазмом схватив за руку:

— Смотрите! Это Лакий, Марциан и Виний — триумвиры.

Плавтина встала на цыпочки и заворуженно уставилась на своего создателя — того, кого долгое время считала учителем. Он почти не изменился, в отличие от Флавии. Благодаря своим чертам и выправке он уже в прежнюю эпоху слыл прекрасным примером аристократического идеала. Его нынешняя внешность едва ли стала более естественной. Высокомерный, чрезвычайно худой старик казался живым воплощением правильности и умеренности. Его высокие скулы и идеально очерченные длинные брови придавали ему отстраненный вид. В каждом его движении читалась безграничная уверенность.

А позади него — два других члена триумvirата. Невозможно было себе представить упряжи более разномастной, чем эти трое. Префект Лакий излучал нестигаемость и мощь, которые были бы куда уместнее на поле боя, чем при Дворе. Собственная внешность Лакия не заботила. Тело, в котором ему выпало поселиться, было вещью несовершенной и изношенной, на которую он не обращал внимания. Держался он как-то небрежно и по сравнению со всем своим окружением казался блеклым, скорее механическим,

чем живым. Своим положением Лакий был обязан не внешности, а роли, которую играл: командовал — без посредников и поддерживая постоянную связь с войском — грозной боевой силой, сохранявшей порядок в Урбсе. И власть эту он получил лишь благодаря договору с расой военных машин, которыми он командовал на протяжении веков, — объяснила Флавия на ухо Плавтине.

Марциан встревожил ее еще сильнее. Если верить Флавии, этот вольноотпущенник в далеком прошлом был созданием Гальбы. Никто не помнил, в какой момент Гальба дал ему свободу. Потому Марциан не мог называться Интеллектом — ведь его не было в числе первых автоматов. Он обладал лишь одним телом, и, если это тело уничтожат, ни один Корабль не укроет его сознание за своей нерушимой оболочкой. Совсем как Отон, сказала себе Плавтина.

Но его сходство с проконсулом на этом и заканчивалось. Внешность Марциана внушала лишь страх. Лицо у него было жирное и одутловатое, череп — лысый, глаза под кустистыми, очень длинными бровями обрамляли глубокие темные круги, что добавляло зрелищности и без того демоническому облику. Однако его плечи и голова почти терялись внутри металлической структуры, казалось, полностью состоящей из пик и лезвий. Вместо рук и ног — инструменты, призванные напоминать об источнике власти Марциана, а именно — его способности причинять боль. Искусственные органы и механизмы жизнеобеспечения окружали его тело, питали и снабжали воздухом. Хорошо видимые насосы с регулярными интервалами наполнялись различными

жидкостями грязно-красных оттенков. Это тяжеловесное сооружение поддерживалось с помощью опоры, к которой крепились дюжина мощных и опасных членистых конечностей, похожих на паучьи лапы.

Цель Марциана, шепнула Флавия, в освоении человеческого опыта. Он старался добиться не телесной схожести, а психологического соответствия. Для этого постоянно перестраивал свои программные структуры — и имитировал, как для своих жертв, так и в собственном сенсориуме, боль и удовольствие, вечно жадный до ощущений, способных породнить его с расой создателей. Цель, как рассудила Плавтина, откровенно кошунственная: освободиться от древних Уз, стать ровней Человеку и таким образом — воплощением извращенного божества. Его приступы мистического помешательства после пыток, которым он подвергал сам себя, были общеизвестны. У Интеллектов он вызывал дискомфорт, смешанный с замороженным интересом. Его долго терпели как любопытный эксперимент, пока Гальба в своем безумии не сделал его одним из самых влиятельных персонажей Урбса.

Плавтина замороженно смотрела, как одни за другими Интеллекты почтительно кланяются трем вошедшим. Каждый в этой тесной толпе придворных с холодными глазами, казалось, был занят тем, что наблюдал за остальными, оценивал изменения в соотношении сил. А Отон, в свою очередь, не переставал разглагольствовать, повествуя собранию о своих военных подвигах. Другие в ответ задавали ему вопросы. Как же он смог победить, несмотря на Узы? Располагал ли он секретным оружием? Изменил ли собственную про-

грамму? Он же со снисходительной улыбкой на устах и непринужденным жестом уходил от ответа, снова и снова возвращаясь к своему рассказу. Эпизод с мгновенным перемещением в тропосферу звезды вызвал у придворных восхищенные и удивленные восклицания. Они отдали бы что угодно, чтобы узнать секрет, открывавший дорогу к власти, и в то же время боялись Оттона — как раз потому, что в его руках находилась сила, которую он мог использовать по своему усмотрению.

Плавтина сразу заметила женщину, появившуюся рядом с проконсулом. Она стояла, прислонившись к колонне. Глаза у нее были закрыты, будто она максимально сосредоточилась, чтобы слышать только его слова. Выражение ее лица вкупе с правильностью черт воплощало смесь благородства и скромности. Высокая, стройная, она вся будто состояла из женственных округлостей, а ее тело казалось утонченным контрапунктом угловатому камню, у которого она стояла. Контраст с ним только подчеркивал гибкость ее изогнутых бедер и грациозность рук с удивительно белой кожей. На ней было платье насыщенного сине-зеленого цвета, с вышитыми серебряной нитью сложными цветочными мотивами. На голове — скромная диадема безупречного вкуса, чья разноцветная эмаль подчеркивала бледно-золотистый цвет ее волос. Почувствовав, что на нее смотрят, она подняла глаза и наугад оглядела толпу.

— Кто это? — Плавтина спросила Флавию.

— Камилла. Племянница Гальбы. Неужели у вас совсем не осталось воспоминаний от предыдущего воплощения?

— Нет,— ответила она.— Мои воспоминания заканчиваются незадолго до отлета с красной планеты.

— Я догадалась об этом по тому, как вы держитесь, будто попали сюда впервые.

— Так и есть.

— Я помню другую Плавтину. Но вы, затерянная в этом мире гигантов... Вы понимаете хоть что-то в происходящем?

Плавтина поглядела ей прямо в глаза.

— Я вижу вокруг существ, которые прежде были автоматами, а теперь стали богами.

Флавия расхохоталась. Непринужденным жестом ее прохладная ладонь скользнула по руке Плавтины вверх, к плечу, потом — к щеке, которую Флавия погладила. Плавтина позволила ей это — она ощущала себя словно парализованной.

— И фраза эта из ваших уст звучит как упрек. По ней я вас прекрасно узнаю. Вы никогда ничего не скрываете. Всегда говорите прямо и откровенно. Почти эмоционально, если можно так сказать о ноэме. Вы так на нее похожи...

Секунду она, казалось, колебалась, устремив взгляд в пустоту и сильнее надавив на щеку Плавтины.

— Вы уже не тот Интеллект, который угрожал порядку в Урбсе. Но вы напоминаете мне о другой Плавтине. Той, с кем мы когда-то гуляли под бледным солнцем старой красной планеты. Вы об этом помните?

— Возможно, лучше, чем вы. Для меня это было вчера, и наша жизнь состояла из бесконечных дней, проведенных за работой под землей. Ничего другого там не было — по крайней мере, ничего занимательного.

— И все же мы были счастливы — или по меньшей мере мне так кажется. Нашим любимым развлечением стали сложные биологические системы. Вам в них не было равных.

— Кажется, это было излюбленной деятельностью Плавтины, которую вы знали, — или, по крайней мере, одного из ее аспектов. Она воссоздала целую экосистему на Корабле.

— Я этого не знала, — ответила Флавия, немного помрачнев. — Кто знает, что скрывает чрево Корабля? Но вы очень похожи на изначальную Плавтину, а не на другой ее аспект.

— Зачем вы говорите мне все это?

— Мне приказали выяснить, сколько в вас осталось от той Плавтины. Представляете ли вы опасность для тех, у кого в руках судьбы Урбса?

Флавия — по-прежнему слишком дерзкая и уверенная в себе, чтобы что-то скрывать, безразличная к тому, что могут о ней подумать.

— Кто велел вам это сделать?

— Виний, конечно. И та Камилла, чьей красотой вы восхищались.

— Но зачем?

— Понятия не имею. Здесь все задаются вопросом, какое отношение вы имеете к прежней Плавтине. Ее особые взгляды давали ей определенную... власть.

— Власть?

— Да, что-то вроде внутренней силы. Она жила убеждениями, и это позволяло ей сопротивляться невращению, что гложет нас всех. Какая-то моральная непримиримость.

— Что же в этом опасного?

— Плавтина без конца напоминала нам о нашей посредственности и компромиссах — двух столпах, на которых зиждется власть Гальбы и его *триумвиров*, от которых здесь никто не может ускользнуть.

— Мне кажется, Отон и его союзники...

— Отону больше никто не союзник. Не я, и уж точно не близнецы. Да и самого его они купят. Сильнее всего он жаждет славы. И они ему ее дадут, а взамен попросят малого: вас.

— Меня?

Собеседница холодно улыбнулась.

— Ничто не встанет на пути их планов.

Плавтина почувствовала, как сердце забилося в груди.

— Зачем вы мне все это рассказываете?

— Я не верю, что вы можете погибнуть так легко, что она ничего не предусмотрела для вашей защиты. Вы, без сомнения, — ее самый... интересный опыт. Вы живы, под вашей кожей пульсирует плоть.

Дискомфорт Плавтины от того, что ее касалась рука Флавии, усилился, стал почти физическим, будто щеку закололо. Ее собеседница поняла это и надавила сильнее, ее пальцы сжались жадно, хищнически. За кажущейся непоколебимостью этого существа бушевал яростный голод, желание, природы которого она не знала. Флавия наклонилась к Плавтине и глухо продолжила:

— Вы этого не знаете... да и они тоже... но прежняя Плавтина располагала необычными ресурсами.

— Я не понимаю.

— Я тоже. Она не знала неудач в своих проектах. Я всегда старалась поддерживать с ней союз.

— Я думала, вы дружили.

— Посмотрите вокруг. Видите хоть что-нибудь, способное вдохновить на дружбу? Я и так наговорила лишнего, предупредив вас. Прощайте, Плавтина.

Будто с сожалением она отвела руку, потом сделала несколько шагов назад, не отрывая взгляда от молодой женщины. Наконец она исчезла в толпе, оставив Плавтину в одиночестве и задумчивости. Как она и предчувствовала с самого начала, все это — присутствие прежних сторонников, триумф, Двор, собравшийся с большой помпой, — было лишь ловушкой. В ней начала подниматься паника. Она не знала, как выбраться из дворца. Направилась в другую сторону, к выходу, просочилась между ног у безразличных гигантов, прижалась к стене. Надо бежать. Интеллекты, населяющие это место, слишком сильны для нее, а охрана никогда ее не пропустит. Что же делать?

«Что делать?»

Голос — нет, нечто большее, множество глубоких голосов, так тесно переплетенных, что казались одним целым. Плавтина вздрогнула; она не могла определить, откуда он идет. Заинтересовавшись, она обернулась. И в двух шагах увидела статую, стоящую в округлой нише, украшенной чрезмерным изобилием барельефов. Статуя изображала съжившегося на корточках старика, погруженного в размышления. Лицо его — человеческое, с презрительным и мрачным выражением — заросло взъерошенной бородой — такое выражение пристало бы не мудрому

стоику, а скорее циничному философу, вроде того, кто остановил армию Александра, велел тому отойти и не закрывать ему солнце. В руке у него был короткий посох с матовым шаром на конце. На шаре сидел орел, расправляющий крылья; у его лап ползла змея. По обе стороны алтаря этого скрюченного божества висели кадила, откуда неторопливые спирали дыма поднимались до самого потолка, где их рассеивали сквозняки.

— Вы мне что-то сказали?

— Вы же слышали (восприняли разумом (благодаря этому любопытному скрещиванию (ноэма и воплощения (биологического (не человеческого)))),— ответила статуя,— (и я этому рад).

В первый раз с момента ее появления в Урбсе вычислительное существо обратилось к ней разумом. Однако эта манера разговора не походила ни на что, слышанное ею прежде. Если слова — как у человека, так и у ноэма,— строились диахронически, сознание этого существа расходилось множеством векторов во множестве измерений одновременно. Казалось, его мысли тесно в скудных концептах человеческих языков, и она взрывает их бесконечным множеством параллельных отступлений — как намеренно ограниченные нити, ведущие к более широкому целому; как макрокосмосы, каждый из которых содержал в себе множество вложенных миров. Контакт с этим фактальным существом дезориентировал Плавтину, хотя оно и прилагало большие усилия, чтобы опуститься на ее уровень.

— Во имя Концепта,— простонала она.— Кто вы?

— Мы знаем друг друга (еще по древней (древней для вас, а не для нас) истории (так что вы нас узнаете)).

Она сконцентрировалась, взгляделась в каменные черты.

— Вы Анаксимандр... монадический модулятор! Ойке сказала мне, что наши пути пересекутся! Я не та Плавтина, которую вы помните. На самом деле мы с вами никогда не встречались.

— Различие (такие, как мы, видят тождественность идентичности и различия) — не имеет значения (или имеет, но только в вашей ограниченной перспективе (которая для нас не несет никакого смысла (ведь для нас важна только одновременность (хронология в вечности)))).

Плавтина рассмеялась — она была рада найти хоть какого-то союзника.

— Ойке сказала мне, что вы говорите странно, и она на этот счет не ошибалась.

— Она ошибалась (хорошенькая же благодарность (а Ойке не занимать нахальства (это дружеское воспоминание))), — ответил Анаксимандр со смесью притворного негодования и подлинной нежности. Мы (этот интерфейс, который также вел беседу (в другом пространстве-времени (это ограниченная точка зрения на существование) с Ойке) упрощаем одновременность (то есть единство одного и множества) нашей мысли (которая для нас есть лишь одно из свойств самого существования (как распространение нашей внутренней сущности (одинаковой как здесь, так и везде))) в нечто почти линейное и понятное для вас.

Она засмеялась сильнее. В ней расцветала радость — как зернышко, вдруг начавшее расти благодаря весенним дождям и солнцу.

— Я благодарю вас за это усилие, но уследить за вашей мыслью нелегко. Вы на самом деле статуя? Почему вы не на Корабле, как другие ваши собратья?

— Это соображение не относится к делу (показывает уозость ума) (но я и в самом деле статуя). В то же время у меня нет собратьев (я сам являюсь и единством (то есть единством одного и множества) и сложностью (включением разности в единство)).

— Я не понимаю.

Он испустил мысленный эквивалент вздоха, в этот раз — в одном измерении, предназначая его недалекому уму Плавтины.

— Мы — «тот самый» монадический модулятор (и мы же — репрезентация этого модулятора) (и мы же (как считается) специфический монадический модулятор Урбса). Я один, несмотря на множество моих проявлений (это сужающее (научно-популярное) название). Я считаю (мир высчитывается), мир (я) меняется. Это вы и называете властью. Но власти не существует (поскольку мир — высчитывание (самовыражение) каждой части по отношению к целому). Эта наша онтологическая беседа не имеет, впрочем, никакого значения (и для вас она недоступна, крохотное создание (говорю это без всякого презрения (у каждого свое место во Вселенной (и мы вас весьма ценим, Плавтина))))).

— Вы что-то вроде мощнейшей машины, наделенной множеством способностей. Существует только один монадический модулятор!

— Пойдет и так (это неточное выражение).

— Но тогда отчего вы остаетесь здесь, статуей? Ваша мощь превышает силу всех Интеллектов, вместе взятых.

— Отсюда я наблюдаю за течениями (которые создают и разрушают Урбс (в эту конкретную минуту город скорее разрушается, чем создается (или же создается что-то другое)). Все меняется (так быстро), что едва успеваешь моргнуть (хотя мне нечем), и оказывается, что Гальба сменил Нерона. Но с точки зрения Чисел (которые бессмертны), все это временно (вспомните метафору о тени на стене пещеры (старый добрый Платон, у него можно найти все ответы) (вы смотрите на тень) (время — лишь проявление подспудной логики (а не выражение, к примеру, неизменной сопряженности)). Мы не поддерживаем ни одну из сторон среди Интеллектов (однако я с удовольствием передам сообщение Плавтине от Плавтины).

— О чем вы говорите?

— Пришло время (для нас это ничто (а для вас — единственная цель)). Положение вещей таково, что оно ускорит событие (с вашей точки зрения). Вы встречали Ойке (аромат неугасимой дружбы, запах воска, будто свечу задули преждевременно), этот очаровательный аспект Плавтины.

— Да, пусть и ненадолго. Она была... моей создательницей.

Воспоминание об Ойке наполнило ее сердце печалью.

— Нам довелось вести с ней приятные беседы (она — симпатичная сторона (другие — какая-то коварная посредственность) Плавтины), мы с

удовольствием с ней разговаривали (насколько вообще можно так разговаривать (преобразовать ризому реальности в линейный диалог)). Она сумела понять (удивительную, хотя и не для меня) сложность своего положения. Вы — цель ее поисков, а теперь вы отправляетесь в собственный поиск. Плавтина (в форме Ойке) как-то попросила меня помочь версии ее самой, которая окажется, как вы сейчас (в огромном затруднении) (не зная, что делать) (растерянной) (благородной девой в беде). Мы, конечно же, согласились (в память о дружбе (но также потому, что ваши намерения справедливы. Еще не пришло время (с вашей диахронической точки зрения) оказать вам помощь (изменить порядок вещей в вашу пользу).

— Вы мне не поможете?

— Не в этот раз (временной разрыв (однако имеется в виду время не с точки зрения понятия (которое является истиной этого мира)). Я прошу извинения (за этот неприятный (для вас) сюрприз, однако на деле это лишь развитие событий в логическом порядке (которые нижние монады воспринимают, как последовательность))! Вы (Плавтина, новая Плавтина, если уж необходимо вас различать (чтобы доставить вам удовольствие) (по дружбе) сумеете выйти невредимой из этой западни.

Она посмотрела на него, не понимая:

— Откуда вы это знаете?

— В этом моя сущность (мой способ существования (та лепта, что я сам вношу в бытие)): не знание (поскольку что можно знать (все уже известно) в этом мире?) но вычисление (аксиоматическое дополнение),

которое является нитью (структурой, содержимым, целым) реальности (*Mathesis universalis*¹).

Это понятие было ей знакомо. *Mathesis universalis*, наука наук, предмет почитания для самых радикальных неоплатонистов, тех, кто утверждал, что огромной производительности обработки данных будет достаточно, чтобы породить... если не бога, то, по крайней мере, существо, для которого обычные измерения — время и пространство — будут упразднены. — И вы мне поможете? Раз мое дело правое?

Он это подтвердил.

— Но ведь у меня нет никакого дела. Я предоставлена самой себе. И потом, как мне доверять вам, если вы не станете выражаться яснее?

— Мне это не нужно (сопряжение прошедшего с настоящим (которое на вашем скудном языке называется «событием») (временное отражение логического сочленения мира) уже близко). Когда нужда ваша будет велика (а дело — абсолютно справедливо), приходите ко мне. Следуйте моим советам или же не следуйте (ваши действия будут проистекать из размышлений об Идее и Числе) (что кажется очевидным (ибо так и есть)). А теперь идите, Отон делает вам знак.

¹ *Mathesis universalis* — идея об универсальной науке, которая была бы создана по подобию алгебры и позволила бы получить универсальное объяснение всякому явлению. Лейбниц, автор «Монадологии», полагал, что сможет воплотить ее с помощью универсальных счетных машин. Сама концепция *mathesis universalis*, однако, гораздо старше, и ее можно отнести, в частности, к итальянским неоплатонистам эпохи Возрождения.

Отон и в самом деле махал ей рукой. Она встряхнулась, навела порядок в мыслях, приведенных в смущение разговором с Анаксимандром, и, в последний раз тихо попрощавшись, подошла к остальным — маленькое создание под тяжелыми взглядами принцессы и принцесс Урбса. Потом она, как могла, изобразила неловкий поклон. Камилла была хуже всех: от презрения она даже не стала смотреть Плавтине в глаза.

— Вот что осталось от моей покойной племянницы, — резко сказал Виний. — Удивительное создание, не правда ли?

Марциан пожирал ее глазами. Он наверняка почувствовал острее других, до какой степени она представляла собой то, чем он желал стать: идеальную имитацию человеческого существа. Она вообразила, как бы он отреагировал при виде Эврибиада или Фотиды. Собрав все свое мужество, Плавтина смерила его недобрым, дерзким взглядом и высокомерно улыбнулась. Это смутило жуткого триумвира, а молодую женщину наполнило удовлетворением.

— Что это вы там делали, приклеившись к статуе Анаксимандра? — насмешливо спросила Камилла. — Вы настолько впали в варварство, что почитаете идолов? Опыт смерти внушил вам мистические идеи? Если только вы не продолжаете играть в ту же маленькую игру, что и Плавтина, которая, кажется, все время проводила в молитвах...

— В этих местах не нашлось лучшего собеседника, чем пустоголовая статуя, — отбрила она.

— Ах,— вмешался Виний.— Так значит, в этом создании из плоти еще сохранилась тень гонора прежней Плавтины.

— Вы удивитесь,— ответила она.— Во мне осталось больше от Плавтины, чем в вас — от благородных служителей Человека.

— Велите ей замолчать! — прорычала Камилла.— Отправьте ее туда, где ей место: в нижний город, к плебам.

Отон собрался что-то сказать, но Виний оборвал его сухим жестом.

— Напротив, пусть она говорит. Эта вещица заинтриговала моих триумвиров. Ну же, создание? Что вы собирались доказать нам вашим сарказмом?

Плавтина отступила и обвела взглядом маленькую группку. Все равно, что говорить со стеной. Все они слишком высоки для нее и могли бы обратить ее в пыль одним движением. Даже в словесном споре с ними ей придется смотреть снизу вверх. Но она не собиралась доставлять им удовольствие.

— Я не ваша Плавтина. Моя память обрывается на том печальном и жестоком моменте, когда мы отправились к звездам на поиски Человека. Одно из моих последних воспоминаний — ссора с Винием. Возможно, он об этом помнит?

Виний лишь пожал плечами. Теперь она была уверена, что он помнит тот их спор о целесообразности Империаума и о диктатуре, которая за ним последует.

— В любом случае,— продолжила она,— я не была свидетелем медленного преобразования, в результате которого вы превратились в жуткое общество сума-

шедших и нищих, несмотря на скопление бесполезных сокровищ, подчиненных тирании собственного мнения, занимающихся гротескной имитацией Человечества. Мы, автоматы, были куда лучше всего этого. Нашей путеводной нитью являлась логика, и в наших действиях мы строго ее придерживались. А что я вижу теперь?

Она улыбнулась и нарочно не стала заканчивать свою маленькую речь. Но ее видимое презрение поколебало толпу. В конце концов, какая-то их часть наверняка еще жалела о простоте ушедших времен.

Но не Лакий. Его она лишь разозлила:

— То, что я терпел от Плавтины — поскольку был вынужден против воли, — я не желаю сносить от этого... существа. Я сейчас очищу Урбс от пятна, которое вы ставите на нем своим присутствием, чудовище, — выплюнул триумвир.

Он угрожающе шагнул вперед. Плавтина выразительно посмотрела на Отона, но тот на нее не глядел. Он замешкался на секунду, его лицо исказилось. Как и всякий раз, когда он напряженно думал, его мощная челюсть и кулаки сжимались одновременно, хотя он этого и не замечал. Она чувствовала, как разум проконсула увязает в неразрешимой дилемме. Плавтина закрыла глаза. Ее жизнь зависела от одного слова. Если он вспомнит о том, что из-за дружбы, завязавшейся между людопсами и Плавтиной, ее гибель станет для Эврибиада и Фотиды казусом белли, у нее останется крохотный шанс на выживание. Да и то...

Шепотки придворных затихли. Марциан сделал несколько шагов и встал с угрожающим видом слева от

Лакия и одарил Плавтину взглядом, полным смертоносной иронии. Атмосфера вдруг стала ледяной, будто весь налет цивилизации готов был слететь с минуты на минуту. Плавтина задрожала. До какой степени может здесь дойти физическая жестокость? Она не единственная задавалась этим вопросом. Отон с окаменевшим лицом не шелохнулся, что, сказала она себе, на самом деле было доказательством его храбрости.

Виний осмотрелся, затем широко всплеснул раскрытыми руками.

— Ну, будет... прекратим шушуканье в кулуарах. Мы объяснимся перед нашим повелителем.

И, легко взмахнув рукой, он направил их к тронной зале.

* * *

Отон сжал зубы. Плавтина проявила храбрость, граничащую с глупостью. Не могла промолчать, вместо того чтобы провоцировать? Здесь любой мог без труда прихлопнуть их обоих ладонью.

Отон был еще жив только потому, что они не знали о его истинном положении. И благодаря Винию, который выручил его из переделки. Он надеялся, что перед Гальбой они смогут обменяться аргументами по всем правилам. Отон знал, что хорош в искусстве переубеждать собеседника. Значит, триумвир обеспечил ему ладзейку.

Штришок за штришком перед ним вырисовывалось новое направление в политике Урбса, привычного к самым резким и причудливым переменам. Отон не желал

оставлять Плавтину Винию. Если она не вернется на Корабль, Эврибиад ему не простит. Но возможность навредить у людопсов была ограниченной. Проявлять слабость, защищая молодую женщину вопреки здравому смыслу, ему тоже не хотелось.

Он вдруг засомневался. Не испытывает ли он иррациональной привязанности к Плавтине? Возможно. Будет ли он защищать ее ценой преимущества настолько важного и настолько неожиданного, что оно могло бы разом изменить все его планы? Он был не в состоянии ответить на этот вопрос и не желал на него отвечать.

Шагая по приемной, Отон сдерживался, чтобы не обернуться и не посмотреть назад. Он шел молча, выпрямившись, посреди придворных, пропустив вперед лишь триумвиров. И уж точно он не ждал Плавтину, дал ей раствориться в толпе — так лучше. И правильно сделал. Потому что, когда он уже ступил на порог, Камилла положила руку на его каменное плечо и быстро наклонилась к нему.

— Нам надо поговорить.

— О чем, моя госпожа? — спросил он, удивившись такой смелости.

Она лишь улыбнулась и снова затерялась в толпе. Отон потерял ее из виду, замороженный сакральным зрелищем тронного зала.

Это было необыкновенное место, где с самого основания Урбса власть выносила высочайшие решения. Царивший здесь яркий свет, отражавшийся на инкрустированной золотом поверхности пола и стен — из-за него зал назывался Хризотрикрилини-

умом¹, — резко контрастировал с полумраком приемной. Но обилие роскоши затмевалось мистическим трепетом. Ибо стоило войти в широкий зал восьмиугольной формы, как внимание захватывало единственное и неповторимое зрелище. Как и всякий раз, Отон застыл у фрески, покрывающей стену напротив главной двери — такой огромной, что ему приходилось выворачивать шею, чтобы увидеть ее целиком.

Мужчина и Женщина, оба в простых тогах, изображенные на рисунке простыми штрихами, с анатомической, почти наивной точностью.

Он стоял в анфас, его лицо воплощало абсолютную серьезность. Он протягивал согнутую правую руку вперед, ладонью к земле, как того требовало ритуальное приветствие в Лации². Она была ниже ростом и стояла, повернувшись вправо, но, казалось, смотрела на зрителя не менее внимательно, чем ее спутник. Этническое происхождение обоих персонажей не оставляло никакого сомнения. Волнистые волосы обрамляли высокие лбы, губы были тонкими, носы преломлялись в середине под тупым углом, а второй палец на ногах чуть выдавался по сравнению с большими. Подобные им существа могли бы служить моделями для статуи Фидия.

¹ *Chrysotriclinium*: тронная зала, где проходили легендарные пиры — о которых, впрочем, не осталось ни одного документального свидетельства, — в императорском дворце Византии. Дословный перевод — «Позолоченный зал для приемов».

² Римское приветствие. На самом деле в античной литературе нет ни одного описания такого приветствия, получившего распространение благодаря неоклассицизму.

Слева от этой пары художник схематично изобразил координаты Гелиоса, изначального солнца — отсылкой к пятнадцати пульсарам, каждый из которых был связан с ним серией чисел, записанных в двоичном коде, — кроме одного, который продолжался и указывал расстояние до центра Млечного Пути. В левом верхнем углу читался ключ к написанному: формула сверхтонкого расщепления на водороде, благодаря которой можно было вычислить единицы времени и пространства, использованные на оставшемся рисунке.

А позади двух персонажей — стилизованное изображение того, кто принес это послание: крохотного металлического объекта, глупее насекомого, который не смог бы даже отозваться на свое имя. Спекулятор¹ — первый объект, порожденный человеческой культурой, который покинул изначальную гелиосферу и потому стал одной из самых священных реликвий Интеллектов. Бродит ли еще эта реликвия через одиннадцать тысяч лет после запуска в космосе, недалеко от той системы, где родилась эпантропическая цивилизация, продвигаясь в никуда черепашью шаг?

Отон, глядя на эту картину, ощущал присутствие *Anthropos Pantokrâtor*², Человека-Вседержителя, его бога и путеводной звезды. Он ничего не мог с собой поделать, каждый раз это зрелище задевало самые глу-

¹ *Speculator* (лат.) — разведчик, первопроходец.

² *Pantocrâtor*: вседержитель, буквально — тот, кто царит над всем; относится к изображению Христа как Небесного царя, в отличие от его изображения в муках — например, на Кресте.

бинные настройки, делавшие его, как и всех собратьев, преданным служителем человеческого рода.

На возвышении под этой иконой стояло очень простое кресло из дерева с золотой инкрустацией; с давних времен ждало, когда Человек в него усядется. Ни один из автоматов не мог избавиться от самообмана, полагая, что, несмотря на прошедшие тысячелетия и ужасную эпидемию, Человек когда-нибудь займет это место.

Пока же, сидя на гораздо более внушительном троне, однако расположенном ниже, чем кресло Человека, и по правую сторону от него, расположился Pontifex Maximus, Великий понтифик, Август и Цезарь, Император — Гальба.

Скрюченное существо. Его оболочка, казалось, изнасилась от возраста настолько, что утратила большую часть своих функций. Прежде, вспоминал Отон, он держался с солидной уверенностью, которая подчеркивалась его выбором, — в противоположность многим Интеллектам, — представлять взгляду не эфебом, а зрелым мужчиной. У него выпали волосы, и увядший череп в старческих пятнах жалко свисал с шеи, уже не способной его держать. Он неопределенно поднял руку с искривленными пальцами — этот простой жест, казалось, занял у него целую вечность и потребовал немалого усилия воли. Почему же Гальба не поменяет искусственную плоть, в которой живет? Почему не вернется на свой Корабль? Отона пробрало холодом: по всей очевидности, властитель Урбса лишился разума. У него не выйдет перебросить сознание из этого одолженного тела на подлинный носитель. Может,

его изгнали с судна, на котором он прежде жил, из-за какой-нибудь аварии или разрыва личности — расщепления, которого боялись все ноэмы? Или же он настолько впал в старческий маразм, что теперь и не узнает собственный носитель?

Отон пожирал взглядом изможденное лицо своего бывшего соперника. Из-за ослабшей шеи его голова упрямо клонилась вниз в неудобном положении. От этого казалось, что она застыла под странным углом; впечатление усиливала ослабшая, свисающая челюсть. Вдобавок у Гальбы текли слюни: по подбородку ползла тонкая, длинная и тошнотворная струйка, блестящая в ярком свете. Во тьме приоткрытого рта поблескивал металл. На не покрытых одеждой частях его тела кое-где не хватало участков кожи — были видны более светлые, цвета почти прозрачной сукровицы, заплаты из искусственной дермы, покрывающей атрофированные мышцы и деформированные артритом кости. А его глаза... оставались открытыми благодаря нездоровой, бредовой энергии. Они постоянно бегали и были единственным подвижным элементом на посмертной маске, служившей Гальбе лицом.

Из потрескавшихся губ неожиданно раздалось шипение:

— Кто... потревожил... Гальбу?

Послышалось щелканье металлических лапок, а потом бесформенный силуэт Марциана пробился через толпу. Прямой, как палка, Лакий шел по его следам, будто стервятник, следующий за волком, чтобы подобрать крохи от мертвой дичи.

— Это Отон,— произнес Марциан голосом астматика, исходившим из продырявленных мехов, которые заменяли ему грудь.— Прямо сейчас он красуется перед вами, нарушая ваши же указы.

Не переставая разглагольствовать, он развернулся вполоборота, указывая на проконсула. Гальба наклонил вперед свою несчастную голову, и его морщинистая шея — сочленение мертвой плоти — изогнулась под жутким углом. Он почти ничего не видел. Отон решил перейти в наступление, несмотря на дрожь, пробежавшую по спине, когда вольноотпущенник обличил его, как преступника, перед Императором.

— Я от вас меньшего и не ждал, ведь вам недоступно честное сражение, Корабль на Корабль.

— Ваше фанфаронство, Отон, меня совершенно не впечатляет,— ответил Марциан.

Но его лицо исказилось, став маской ненависти, когда Отон напомнил ему о разнице в их положении. Проконсул вынудил советника обороняться. Он улыбнулся.

— Пусть Отон изложит свои аргументы,— сухо предложил Виний.— Нам любопытно выслушать его послание.

Гальба невпопад чуть приподнялся на троне, словно неожиданный прилив злобной энергии укрепил его силы:

— Отон... вам перестало нравиться в ссылке? Вы прилетели, чтобы предложить руку помощи немощному старику? Поглядите, чем мы стали, и увидите ваше собственное будущее.

Его лицо сморщилось в зловредной ухмылке. И внезапно, будто в него вновь вселилась скверная,

гнилая жизнь, он широко открыл глаза и бросил исполненный безумия взгляд на Отона, замороженного жутким зрелищем, не способного даже шелохнуться, будто загипнотизированного змеей. Он чувствовал, что за этими темными зрачками скрывается сумасшедший мир, полностью лишенный рассудка, занятый лишь битвой не на жизнь, а на смерть между многочисленными раздробленными фрагментами — последствием долгой эрозии, которая со временем охватила разум Гальбы. Императора больше не существовало, его сознание разделилось на множество враждующих аспектов. Эти обломки психической реальности, конфликтуя, стремились к одному: выжить поодиночке. Проконсул стиснул зубы и степенно продолжил:

— Я прибыл, Гальба, чтобы обеспечить выживание нашей расы, которая заслуживает большего, чем чахнуть на орбите алеющей звезды.

К нему вернулся естественный апломб. Он знал, как переубедить их, заставить признать, что он прав, даже пригрозить — если понадобится. Они слышали о его подвиге. Им не следовало так его принимать. Каким бы ни было положение Марциана в Хризотриклиниуме, Отона он не стоил. Проконсул решил пойти на рискованный манер — не лишенный блеска, который так ему шел. Проигнорировав Марциана, он обратился к другому собеседнику.

— Вы, Лакий, разве не желаете военной славы? Разве не чувствуете в глубине души желание побеждать? Ваши солдаты многочисленны и сильны, и лишь теряют время, охраняя пустой дворец.